Александръ Кочубинскій

6-го АПРѢЛЯ

885—1885

ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ И ДОБРАЯ НИВА

РѢЧЬ

произнесенная въ юбилей СВ. МЕѲОДІЯ въ торжественномъ собраніи
Императорскаго Новороссійскаго Университета.

ОДЕССА
Типографія «Одесскаго Вѣстника», Красный пер. № 3-й
1885

Александръ Кочубинскій

6-го АПРѢЛЯ

885—1885

ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ И ДОБРАЯ НИВА

РѢЧЬ

произнесенная въ юбилей СВ. МЕѲОДІЯ въ торжественномъ собраніи Императорскаго Новороссійскаго Университета.

ОДЕССА
Типографія «Одесскаго Вѣстника», Красный пер. № 3-й
1885

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго университета.
Ректоръ *С. П. Ярошенко.*

6-го АПРѢЛЯ

885 — 1885.

Добрый сѣятель и добрая нива [1]).

«.... и другое паде на земи добрѣ,
и даяше плодъ вѣсходя и растый».
(Отъ Марка, IV 8).

Милостивѣйшій архипастырь,
Милостивые государи и государыни!

Не только родной земли обыскивая старину, но и перелистывая книгу жизни всей христіанской Европы, мы не найдемъ лицъ, болѣе величественныхъ, характеровъ, болѣе возвышенныхъ, чѣмъ какъ эти были, по самоотверженной любви къ человѣку, по глубинѣ мысли и въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ, и въ общей программѣ жизни, скромные дѣти ославянившагося византійскаго города Солуня, бѣлецъ Кириллъ и чернецъ Меѳодій. «Великіе учителіе Словенску языку», говорило и говоритъ съ признательностью о нихъ потомство; «великіе мужи апостольской жизни» замѣтили о нихъ уже наблюдательные современники (библіотекарь Анастасій).

Земля исполнь самаго напряженнаго слуха объ нихъ и тысячу лѣтъ назадъ, какъ и сегодня, въ день тысячелѣтней годовщины упокоенія послѣдняго брата, и — въ тѣхъ же мѣстахъ: среди Славянъ, среди нашихъ западныхъ сосѣдей и въ Римѣ.

---

[1]) Рѣчь, въ отрывкахъ произнесенная въ торжественномъ собраніи Императ. Новоросс. Университета въ юбилейный день памяти святителя Св. Меѳодія, въ присутствіи преосв. Никанора, епископа Херсонскаго.

Предъ величіемъ этихъ подвижниковъ христіанства на зарѣ исторической жизни Славянъ, отдаленнѣйшіе потомки съ ликующимъ сердцемъ повергаются въ прахъ... Въ эту торжественную минуту—на рубежѣ тысячелѣтія—отъ полноты чувствъ готовы безмолвствовать уста...

Съ отцовской заботой о нашей будущности отходилъ братъ Кириллъ. Его не льстилъ епископскій санъ, но, умирающій, онъ съ послѣднимъ цѣлованіемъ передалъ заповѣдь брату Меѳодію—не покидать Славянъ.

Когда 16 лѣтъ спустя, 6 апрѣля 885 года, смежалъ очи и старикъ Меѳодій, и онъ не оставлялъ своего стада сирымъ, покинутымъ на волю обстоятельствъ.

А мы?...

Мы, не покинутые ими въ послѣднія минуты счетовъ съ землей, покинули ихъ... и вспомнили на дняхъ, мы словно спѣшили и своими устами засвидѣтельствовать, что

«О все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ!
Для всѣхъ одинъ законъ—законъ уничтоженья,
Во всѣмъ намъ слышится таинственный привѣтъ
Обѣтованнаго забвенія»...

—спѣшили засвидѣтельствовать пренебреженіе къ этой юдоли, съ ея страстями и сластями...

И другъ, и недругъ укажетъ на это забвеніе памяти основателей нашей гражданственности, виновниковъ нашей культурной индивидуальности, одинъ съ чувствомъ сожалѣнія, другой самодовольный...

Нельзя спорить: винѣ забвенія незабвенныхъ причастны мы... Но, давая поводъ къ справедливому формальному укору, мы, можетъ быть, въ состояніи указать на другое, указать, что мы не словесы нарицаеми крестьяне — Мораво-Паннонской церкви святителя Меѳодія, но дѣлы, выражаясь языкомъ старины?...[1])

Такимъ образомъ мы, Мм. Гг., мы, завидные избранники судьбы, смиренно-мудрые участники тысячелѣтнихъ поминокъ «Моравскыя земля велия гражданина», «великаго пастыря Словеномъ» (какъ славили его ученики), иже разумно попасъ и

[1]) Изъ посланія митроп. Фотія въ Псковъ. Проф. Павловъ, Памятники др. рус. каноническаго права, I 493.

попекся о содержаніи исторической жизни Славянъ, призываемся настоящею торжественною минутой къ исповѣди нашей годности. «Како будете умножили данный вамъ даръ», спросимъ мы сами себя. Поняли ли мы талантъ, преданный отъ учителя «Словенску языку», или, какъ евангельскій рабъ, закопали его, и не далъ плода онъ ниже въ зерно горюшно?...

Живой, восторженный откликъ на встрѣчу сегодняшнему дню по всей землѣ русской (свидѣтельствуемый и Вами, Мм. Гг.) указываетъ, что мы внутренне чувствуемъ свою правоту и вѣрность тысячелѣтнему ученію Просвѣтителя Славянъ, Велеградскаго пастыря, о церкви народа и для народа, гордимся имъ... Но вотъ сторона: тамъ знаменія, осязательныхъ доводовъ ищутъ. Тамъ заподозрятъ насъ, что мы одними устами глаголемъ Меѳодія, подобно тѣмъ нашимъ братьямъ по плоти, которые въ запоздаломъ археологическомъ порывѣ изъ камня тщатся выжать оправдательный голосъ [1]...

Наука родной старины, памятники русскаго слова—съ открытыми листами передъ нами. Дозволимъ же себѣ заглянуть въ эту дорогую скрижаль—книгу нашего Бытія, дерзнемъ, по силѣ нашей, разобрать одну—другую страницу ея. Какой отвѣтъ дадутъ эти страницы — кто мы въ семьѣ православныхъ дѣтей святаго юбиляра? Жили ли мы его завѣтами, прильнули ли мы къ нимъ всѣми порывами молодой, не лукавствующей души, какъ это бы естественно ожидать, или мы были только мѣдь звенящи, съ празднымъ глаголомъ, скоро и умолкшимъ?...

* * *

Черты жизни Мораво-Паннонскаго святителя исключаютъ эффектъ. Это — высокій, благородный дѣятель на нивѣ Божьей, землей именуемой, оправдавшій извѣчное убѣжденіе, что «трудове рожаютъ славу, дѣла приносятъ вѣнцы [2]».

---

[1]) Имѣемъ въ виду усилія чешско-моравскихъ патріотовъ изъ свѣдѣтельства XIX вѣка дѣлать смѣлое заключеніе къ IX столѣтію, напр. по поводу часовни у Велеграда—«кирилки»,—которая еще недавно была баронскимъ амбаромъ. См. «Velehradský Sborník», т. III, въ началѣ. И кирилловскія камни съ крестами того же проблематическаго характера. Но все таки, за добрыя намѣренія друзья Славянъ и науки будутъ признательны ревностнымъ патріотамъ.

[2]) Митроп. Никифоръ въ поученіи въ недѣлю сыропустную, у Макарія История русской церкви, т. II (изд. 1868 г.), прилож. № 11.

Рано до полудня вышелъ онъ на работу и въ испытаніяхъ дня, на чредѣ служенія Славянству, пребылъ до часу послѣдняго—«всяку потерпѣ страду на земли», его ради.

Перенесемся въ семью Славянъ за тысячу лѣтъ. Знакомыя картины — розни, мелкихъ счетовъ. Въ слѣпотѣ духа взаимно истреблялись и не замѣчали руки художника, водившаго механизмомъ.

Не жизнь, то была египетская тма:

«И кто бы онъ ни былъ—пахарь иль пастухъ,
Иль дѣлатель трудовъ пустынныхъ,
Отъ неизбѣжнаго не могъ онъ избѣжать»

—порабощенія отъ западнаго сосѣда.

И вотъ — въ эту изнемогавшую семью вступили Кириллъ и Меѳодій, чтобы, по прекрасному и точному выраженію священной пѣсни въ день 14 февраля (успенія Кирилла), вспоминающей ихъ появленіе на далекомъ западѣ, «оучитъ тьмьныихъ книгами закона языкы западьныя [1])». Они вступили съ евангеліемъ не только на устахъ, но и въ рукѣ, съ святыми словесы Христа, съ глаголами живота, въ понятной, доступной и для отрока формѣ славянскаго перевода — «книгами языки освяти [2])». Младшій братъ вскорѣ умеръ. Впереди — неусыпный трудъ до самозабвенія. Но Меѳодій, и одинъ, принялъ задачу и въ результатѣ умирилъ разнузданные духи: организовалъ христіанскую общину Славянъ, готовую было обнять почти необъятное пространство средней и восточной Европы, отъ устья Лабы и до лимана нашего Днѣпра. — А чѣмъ? Созданіемъ національной церкви, съ народнымъ языкомъ въ ней, славянской грамотой и школой, съ умно задуманною письменностью.

Въ немного лѣтъ совершено было много: совершено было въ интересѣ мира и свободы, путемъ народнаго слова, глубокое измѣненіе господствовавшихъ въ церковной практикѣ пріемовъ возращенія человѣка въ христіанствѣ, произведена была мирная реформа въ церкви и какъ разъ въ минуту разгорав-

---

[1]) Служба св. Кириллу XII в., у Срезневскаго, Малоизв. памятники, № XXVIII, 70. Службы обоимъ Просвѣтителямъ должны принадлежать ихъ ученикамъ перваго поколѣнія. Отсюда въ нихъ столько историческихъ воспоминаній, столько жизни.

[2]) Тамъ же.

Дозволено цензурою. Одесса, 30-го Мая 1885 г. Тип. «Нов. Тел.», Сабанскій пер., д. № 2-й.

Лордъ Байронъ полетѣлъ подъ греческія знамена.

Съ чувствами Байрона, изученіе произведеній котораго совпадаетъ съ кишиневскимъ періодомъ, отнесся и заточенный поэтъ къ дѣлу возстанія. Освобожденіе христіанъ, послѣ того какъ движеніе сербовъ было смято, въ связи съ интересами Россіи, является предметомъ думъ поэта: онъ спѣшитъ будить симпатіи къ нему дома и загадываетъ о будущемъ Россіи.

Съ жаромъ юноши Пушкинъ объявляетъ:

«Война»!... Подъяты, наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ
мести!..

Онъ видитъ уже первое осуществленіе своихъ знаменитыхъ словъ въ «Наполеонѣ»:

«Хвала, онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ»...

Меня воспламеняютъ нынѣ».

Съ греческой революціей всплылъ восточный вопросъ, на почвѣ котораго развивалось и крѣпло національное чувство Россіи о раздѣлѣ Турціи и о томъ, кому быть въ Константинополѣ. И, кажется, не случайно какъ разъ въ это время — 1822 года — рождается дивный разсказъ, простой, какъ лѣтопись, о томъ, кто прибивалъ впервые щитъ на вратахъ Царяграда.

Тогда-же въ головѣ поэта роится цѣлый рядъ сюжетовъ изъ русской исторіи, и мы можемъ только пожалѣть, что кишиневскій поэтъ не предтекъ Рылѣева и не далъ намъ истинныхъ «Думъ» за мѣсто шаблонныхъ, сдѣланныхъ по Нѣмцевичу.

———

Богатымъ и разнообразнымъ цикломъ своихъ *кишиневскихъ* произведеній, указаніемъ на образецъ изящества тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ открывается жизнь

г., знаменитый вождь находитъ радушный пріютъ въ Бессарабіи, съ семьей своей и массой бѣглецовъ, большинство которыхъ и осѣдаетъ здѣсь. Сюда-же спасаются и болгаре, неудачно поднявшіеся было съ приходомъ нашимъ за Дунай въ 1812 году.

Съ другой стороны, край становится неугасаемымъ очагомъ освободительныхъ стремленій турецкой райи, и скоро онъ—исходный пунктъ для дѣйствій смѣлыхъ гетеристовъ, съ «безрукимъ княземъ» **)—Ипсиланти во главѣ. По Бессарабскому мосту прошли они на югъ и открыли кампанію, приведшую въ концѣ освобожденіе Греціи и румынскихъ княжествъ.

Такими чертами отмѣчалась волнообразная жизнь края къ 20-мъ годамъ, когда появляется въ немъ поэтъ прямо изъ вихря столичной жизни, почти еще юноша.

Для впечатлительной, богато одарен-

**) Пушкинъ изъ Кишинева, I, 361.

Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ?»...

Уже изученіе Овидія, такого же изгнанника въ краю, свидѣтельствуетъ о «тихомъ трудѣ». «Къ Овидію», по суду самого поэта, одно изъ высшихъ его стихотвореній. О «размышленіяхъ» говорятъ другіе сюжеты.

Изгнаннику въ природѣ вещей сочувствовать изгнаннику. Но Пушкина трогаетъ не одна судьба римскаго поэта, но и жизнь современныхъ скитальцевъ, наполнявшихъ тогда Бессарабію, и на первомъ мѣстѣ — обездоленныхъ сербовъ. Не напрасно комментаторы (Бартеневъ) устанавливаютъ связь между Кишиневомъ и позднѣйшимъ мастерскимъ переложеніемъ пѣсенъ сербовъ у Пушкина. Сербскихъ изгнанниковъ онъ долженъ былъ лично знать. Среди-же ихъ имя недавно траги-

стромъ и Прутомъ.

Онъ былъ свидѣтелемъ величественной и отважной попытки великаго Царя «свободить христіанство». Правда, первый наступательный шагъ на югъ за Дунай былъ недостаточно взвѣшенъ и потому преждевремененъ; но, тѣмъ не менѣе, самыя блестящія страницы русской исторіи XVIII вѣка тѣснѣйше связаны съ этимъ краемъ, заняты имъ.

Ставучаны, Хотинъ, Ларга, Кагулъ, Измаилъ—кто при этихъ славныхъ историческихъ именахъ не вспомнитъ сейчасъ-же отдѣльные моменты формированія нашей земли, какъ великой политической силы, какъ дѣятеля въ современной жизни Европы?.... Каждое изъ этихъ именъ—этапъ въ поступательномъ движеніи Россіи, съ эпохи крутаго поворота ея отъ фатальнаго востока на западъ. Не мѣсто говорить, съ какимъ трудомъ и жертвами она выполняла свою миссію среди христіанъ юго-востока Европы; но которое связываетъ его край съ великимъ общимъ отечествомъ. Да, на роскошныхъ поляхъ Бессарабіи совершались первые акты великой драмы освобожденія Востока.... Она—мѣсто свято, какъ опредѣлилъ ее, при первомъ знакомствѣ съ краемъ, и геніальный изгнанникъ, котораго почтить собрались мы сегодня:

«Сія пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державинымъ воспѣта
И славой русскою полна».
Когда-же «Гроза луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой», *)

т. е. знаменитый Кара-Георгій, поднятіемъ сербовъ, открылъ наше столѣтіе, намъ казались уже осуществляющимися грандіозные замыслы императ. Екатерины, и князь Прозоровскій начертилъ смѣлую карту свободнаго востока. Но благородныя чаянія не оправдались, благодаря перекрестнымъ

*) Изъ посланія Пушкина дочери Кара-Георгія, въ Кишиневѣ, въ 1820 г.

ЧЕРТЫ КРАЯ

ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ПУШКИНА.

(Рѣчь, произнесенная въ Кишиневѣ 26-го мая 1885 года при открытіи памятника поэту).

Велика земля наша, но въ ней не лег- [illegible] стромъ и Прутомъ.

всѣ эти усилія создали Имперію—отъ моря и до моря далече, хоть и не до

но которое связываетъ его край съ ве-

дѣйствіямъ того, «чьей памятью кровавой міръ долго, долго будетъ полнъ»—Наполеона.

Мы отступили, но сохранивъ за собой залогъ для повторительныхъ дѣйствій въ будущемъ — освобожденную Бессарабію. Знаменитый святитель, экзархъ Гавріилъ, «сей остальной изъ стаи славныхъ» сотрудниковъ Потемкина, организуетъ край. Первые піонеры просвѣщенія, вызванные Гавріиломъ на Дунай: Ириней Нестеровичъ (будущій архіепископъ иркутскій, извѣстный своими испытаніями), Исидоръ Гербановскій, устраиваютъ въ Кишиневѣ первую общественную школу.

Но это—*pro domo sua*. Новый край пріобрѣтаетъ особенную политическую жизнь, особый историческій характеръ. Онъ дѣлается какъ бы мостомъ, переброшеннымъ между Россіей и народами востока, давно отмѣченными жизнью, какъ предметы ея историческихъ заботъ. «Сія пустынная страна» становится скоро, пользуясь выраженіемъ Пушкина, «благословенной» не для одного поэта.

ной натуры Пушкина, край, со своими рѣзкими особенностями, полный воспоминаній, пройти безслѣднымъ не могъ. Не шутка и острота наполняютъ время поэта: среди «запачканныхъ домовъ и грязныхъ лавокъ жидовъ» въ Кишиневѣ (I 447) онъ нашелъ интересъ жизни и для себя, и для своей музы.

Если семи-лѣтняя ссылка (1820—26) была, по собственному признанію поэта, его школой, то наилучшей школой былъ кишиневскій періодъ ссылки: за это говоритъ и число лѣтъ (три года), и самые мотивы, и плоды его музы. Кишиневу выпали на долю лучшіе звуки геніальной лиры. Кишиневскимъ періодомъ онъ приготовлялся къ великому служенію родной землѣ, ибо здѣсь юноша выработался въ человѣка.

«Пустынная Молдавія», какъ называлъ поэтъ край, съ его тысячелѣтними воспоминаніями, будитъ его научное любопытство; современныя теченія жизни въ краѣ заставляли вдумываться въ горячіе вопросы жизни

чески погибшаго Георгія Чернаго приковывало общее вниманіе къ его семьѣ, оставшейся въ Бессарабіи.

Все еще одинокимъ, не объяснимымъ, стоитъ высоко-граціозное, полное пониманія жизни народовъ посланіе Пушкина «Къ дочери Кара-Георгія». Но что она, гдѣ и на-сколько зналъ ее поэтъ — открытые вопросы. Въ виду заключительной строфы:

«Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
Смиренной жизнію предъ небомъ искупила»,

едва-ли она не была монахиней...

Слово сочувствія къ сербамъ было лишь единичнымъ выраженіемъ общаго живаго чувства любви у поэта къ свободѣ и страждущему человѣку.

Осенью 1820 года прибылъ Пушкинъ въ Кишиневъ, а весной слѣдующаго его знакомецъ Ипсиланти изъ Бессарабіи вторгается въ дунайскія княжества, подымается возстаніе въ Яссахъ, Букарештѣ и т. д.

Но война оставлена, и кишиневскій поэтъ съ своимъ пламеннымъ сочувствіемъ къ дѣлу христіанъ Турціи готовъ идти далѣе простаго слова.

Извѣстны его великолѣпные «Цыгане», эта живая, всегда восхищающая апофеоза Бессарабской природы. Извѣстно, что поэтъ скитался съ цыганами до Измаила. Но была-ли это просто шалость?.. Думается, что нѣтъ. Позволяемъ себѣ предположить, что поэтъ примкнулъ къ цыганамъ, чтобы на время скрыться, чтобы затѣмъ отъ нихъ перебѣжать за Дунай и, подобно Байрону, стать въ ряды христіанъ. Эта цыганская экскурсія имѣла мѣсто лѣтомъ 1821 года, потому что въ декабрѣ поэтъ уже вспоминаетъ о ней:

«Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
Великодушный грекъ свободу вызывалъ». (Къ Овидію).

Занятый греческою идеей, мыслью *личнаго* участья въ движеніи христіанъ,

сердца поэта, на высоту мыслей тѣхъ, которыя были вызваны реальною жизнью края, событіями дня (напр. смерть Наполеона) или вдохновлены изученіемъ исторіи Россіи и загадываніемъ о грядущихъ судьбахъ русской земли—въ «Наполеонѣ» Пушкинъ предтеча знаменитой славянофильской идеи—поэтъ давалъ слишкомъ обширный отвѣтъ на напоминанія друзей работать на общее благо.

Милостивые государи!

И такъ, не одною минутою вдохновенія обязанъ геніальный изгнанникъ далекой окраинѣ: въ этомъ право края на симпатическія для него страницы въ исторіи русской литературы. Вотъ почему, въ сегодняшній день къ скромному торжеству нашему участливо относится вся образованная Россія, скажу болѣе—всякъ, кому только доступны звуки геніальной лиры русскаго поэта. Наканунѣ отъѣзда моего сюда я слышалъ участіе изъ устъ одного чуждаго поэта, но поэта близкаго намъ по историческимъ воспоминаніямъ и вѣрѣ, румынскаго сосѣда, Георгія Сіона.

денія Пушкина—великаго центра Россіи—Москвы, далъ мѣсто и монументальной памяти о немъ, далъ доказательство своего піэтета къ національному генію, въ подвигающій примѣръ для другихъ.

Не забудется русскими людьми заслуга далекой окраины—представить первое оправданіе пророческихъ словъ старѣйшаго поэта—Державина, что

«Назоветъ *его* всякъ сущій въ ней
(Россіи) языкъ».

Этотъ скромный памятникъ для подрастающихъ поколѣній пребудетъ краснорѣчивымъ указаніемъ, какъ, нѣкогда пустынный, но высоко—историческій край этотъ, уже съ первыхъ лѣтъ своей новой политической жизни, силою генія, сроднился, сросся съ великою землею Русской.

Съ сегодняшняго дня «сія пустынная страна» будетъ священна не для одного поэта: ей честь отдастъ и каждый русскій человѣкъ, думающій о томъ «высокомъ жребіи» русской земли, который впервые во всеуслышаніе былъ провоз-

шейся борьбы Востока и Запада. Но церковь новаго, національнаго типа, славянская церковь Мефодія, осталась нейтральной кафоликіей.

Проницательный умъ, Мефодій, не смотря, что день его на закатѣ, спѣшитъ положить послѣдній камень въ зданіе воздвигнутой имъ церкви — дѣло докончати—художественнымъ переводомъ Библіи «исполнь» — отъ Бытія и по «книгы рождьства», чтобы заботливо оснащенную ладью его не постигла въ морѣ будущаго судьба созданія Златоуста—національной церкви Готовъ, въ жизни не оставившей и слѣда. Онъ правъ былъ сказать о себѣ въ предсмертномъ наставленіи: «стража дѣлу бодрено внимахъ».

Недавняя картина славянской тмы смѣнилася иною:

«Небесный свѣтъ по всей землѣ сіялъ
И каждый могъ повсюду невозбранно
Свой трудъ дневной обычно совершать [1])».

Gens rudis, crudelissimi pagani, Славяне стали сознательными исповѣдниками Христа и добрыми воздѣлывателями своей отеческой нивы, и чувство правды говорило ближайшимъ потомствомъ, когда оно назвало Святителя «великимъ гражданиномъ», вознесшимъ его, по образному выраженію старины, изъ рва преисподняго.

Проповѣдь евангелія на родномъ языкѣ освятила языки нашего племени проведеніемъ въ жизнь началъ христіанства, «изъ тля воздвигла животъ [2])» воспитаніемъ въ человѣкѣ духа Завѣта Новаго—любви къ Богу и ближнему. Люди нужды и горя образовали первые ряды христіанской церкви: таже «простая чадь» прильнула и къ церкви Мефодія. Центры языческаго міра уже позже примкнули къ христіанской общинѣ: избранники жизни—люди власти — скоро охладѣли къ національному созданію Мефодія, а затѣмъ стали искать церкви иной, зане для нихъ заповѣдь новая освободительнаго обаянія не имѣла.

Эту двойственность стремленій въ своей славянской паствѣ понималъ великій Святитель и, завѣщая свято блюсти свою церковь, онъ предостерегалъ ее, что она посреди сѣтей, и внидутъ волки къ овцамъ осиротѣвшаго стада.... Ему ли, искусившему

---

[1]) Жуковскій.
[2]) Изъ службы что выше.

всю горечь людскаго своекорыстія, идеализировать міръ житейскихъ отношеній!... И—волки вошли раньше, чѣмъ, вѣроятно, ожидалъ умиравшій пастырь, воспользовавшись неискренностью избранниковъ жизни, и разнесли стадо. Энергіей и умомъ Меѳодія вознесенные было изъ несчастнаго состоянія до степени сознательнаго члена христіанскаго общества, Славяне Моравіи, т. е. масса, не успѣли «соблюстися отъ звѣриныхъ зубъ хитанія»: ихъ оставила своя же власть, но искавшая иныхъ идеаловъ, не помѣщавшихся въ заповѣди любви.

Никто не будетъ оспаривать участія Римскаго престола въ организаціи церкви Меѳодія: освященіе славянскаго перевода Библіи [1]), канонизація Мораво-Паннонской эпархіи, охрана Меѳодія предъ злобнымъ судомъ нѣмецкихъ епископовъ —факты извѣстные. Но это любовное, доброе отношеніе было вынуждено политическими обстоятельствами, расчетами дня, и изъ того же Рима вышло легко и благословеніе на снесеніе величественнаго зданія Меѳодія, препорученное старому врагу Меѳодія, его викарію Вихингу, этой предтечѣ дальнѣйшихъ патріотовъ [2]).

---

[1]) Признательностью самого Кирилла Римскому первосвященнику за это освященіе перевода позволяемъ себѣ истолковать извѣстное мѣсто Паннонскаго житія о рѣшеніи папы принять личное участіе въ погребеніи младшаго Солунца: «рече апостоликъ — за святыню его и любовь въ римскыи обычаи пришьдъ погребу» (гл. XVIII).

[2]) Поставленный въ нелегкое положеніе—примирять интересы политики, т. е. Рима, съ требованіями исторической истины, современный католическій изслѣдователь дѣятельности Кирилла и Меѳодія, особенно, если онъ къ тому занимаетъ высокое іерархическое мѣсто, прибѣгаетъ невольно или къ свободному предположенію, или къ легкой интерполяціи. Говоря это, имѣемъ въ виду интересный трудъ знаменитаго кардинала Бартолини о жизни Славянскихъ Первоучителей, вызванный недавнимъ объявленіемъ ихъ общекатолическими святыми: Memorie storico-critiche archeologiche dei s. Cirillo e Metodio e del loro apostolato fra le genti Slave, per Domenico Bartolini, cardinale prefetto della s. congregaz. dei riti, Roma 1881 При тщательномъ изученіи историческихъ и археологическихъ (фрески базилики св. Климента, образъ Петра и Павла въ Ватиканѣ) источниковъ и пособій, сжатое, но полное изложеніе жизни обоихъ братьевъ, чуждое страсти, важно-спокойное, какъ минейное житіе, и стройное. Но трудъ—высокаго сановника Римской церкви, и авторъ утверждаетъ, что сами фрески — «le pitture di quel tempo, monumento imperituro del loro culto» (VI)—свидѣтельствуютъ, что Кириллъ былъ епископъ, какъ и братъ Меѳодій (XXVII, 59, 70), ибо того требуетъ «storica verità nella chiesa Romana» (55), хотя и исторія противъ (54); что изв. изо-

День успе, ночь приблизися: Гораздъ, святитель-преемникъ, благословенный умиравшимъ Меѳодіемъ, если не посвященный[1]), ученики насильственно оставили священную родину, а на берегахъ Дуная простились и другъ съ другомъ. Это было, вѣроятно, года черезъ полтора—два послѣ кончины Меѳодія. Боль-

браженіе верховныхъ апостоловъ въ Ватиканской базиликѣ — работа самого Меѳодія и положено имъ въ Римѣ на гробницу св. Петра въ знакъ вѣрности и преданности къ Римскому сѣдалищу, матери и учительницѣ вселенской церкви» (XXIX). А вотъ примѣры легкихъ прибавокъ, за которыя авторъ нерѣдко упрекаетъ старыхъ русскихъ агіографовъ. Ученый кардиналъ строитъ напр. любопытную теорію—указываетъ на малоазійскій Олимпъ, на монастырскій край Пропондиты, какъ на мѣсто, гдѣ святые братья изобрѣли для языка Славянъ систему письма, на основаніи греческой графики, и «здѣсь же, говоритъ онъ, перевели они на этотъ славянскій языкъ съ греческаго и съ латинскаго Псалтырь, Евангеліе, Посланіе и части службъ». (27—28). Авторъ держится Паннонской легенды, а прибавку dal latino основываетъ на незначущемъ бревіаріи (38), хотя самый переводъ славянской Библіи не даетъ никакого основанія.—Защищая епископство Кирилла, авторъ ссылается на преданіе русско-славянской церкви; но переведенную цитату у Ассеманія: «s. Partis nostri Cyrilli Philosophi Apostoli Slavonorum...» передаетъ своеобразно: «il s. Padre nostro Cirillo Vescovo Apostolo della Moravia, degli Slavi». (56), т. е. съ прибавкой «епископа Моравіи». — По болгарской легендѣ авторъ говоритъ о первой дѣятельности Меѳодія въ Моравіи, какъ епископа, объ обереганіи имъ своей паствы противъ лжеученій. Легенда говоритъ о лжеученіи «Франковъ»—объ исхожденіи Духа Св. и отъ Сына; но въ изложеніи ученаго автора это мѣсто уже съ прибавкой: «Usò eziandio vigilanza Metodio nel tenere il suo gregge immune dalle perverse dottrine degli eretici, che dalle regioni limitrofe dominate dai Franchi, e da qualche foziano proveniente dalla' Impero Bizantino si diffondevano fra i Moravi» (90—91). Въ вопросѣ о противурѣчивыхъ дѣйствіяхъ Римскаго престола относительно народнаго, славянскаго, языка въ литургіи старый Гинцель былъ послѣдователенъ, когда отвергалъ одобреніе папы Адріана II, что иначе папа Іоаннъ VIII не могъ бы чрезъ 10 лѣтъ уничтожить одобренія предшественника. Объясненіе же непослѣдовательности у кард. Бартолини (82, прим.), что и Римскій престолъ отстранялъ распоряженія, если получались новыя, болѣе точныя данныя, и что тутъ особеннаго ничего нѣтъ — дѣланное.—Очевидно, что и Римъ, тысячу лѣтъ назадъ, руководился прежде всего своими особенными интересами, какъ руководствуется ими и достоуважаемый ученый кардиналъ въ защитѣ мнѣнія, что «s. Cyrillum et Methodium a Sancta Sede apostolica missionem recepisse ad Slavos evangelizandos, et sub ejusdem Sedis magisterio suum explevisse ministerium usque ad obitum» (изъ письма автора)...

[1]) Въ пользу посвященія Горазда въ санъ архіепископа Меѳодіемъ говоритъ наказъ папы Стефана VI (ок. 887 г.) отправлявшимся въ Моравію посламъ: «Въ силу нашей апостольской власти вы налагаете прещеніе на пре-

шинство ихъ спустилось по Дунаю, на югъ[1]); но часть направилась инымъ путемъ. Куда—неизвѣстно. Но многія соображенія говорятъ, что этотъ путь лежалъ на востокъ, къ Русскимъ, которые не могли не быть извѣстны самому Меѳодію, разъ его проповѣдь заходила и до береговъ Вислы: вспомнимъ свидѣтельство Паннонскаго житія, а главное—христіанская терминологія въ старо-польскомъ языкѣ: krest, pop, cierkiew и др.[2]).

* * *

Извѣстенъ глубокій культурный переворотъ среди Славянъ юга съ приходомъ изгнанниковъ Моравіи—золотой вѣкъ царя

емника, котораго Меѳодій дерзнулъ поставить послѣ себя противу предписаній всѣхъ святыхъ отецъ—да не служитъ онъ, пока не явится лично къ намъ и устно не изложитъ своего дѣла» (перепеч. въ Загреб. «Starine», XII 221). Понятно, Гораздъ отказался отъ явки на судъ въ Римъ и вынужденъ былъ оставить свою Моравію. Вихингъ не могъ участвовать въ рукоположеніи, какъ отлученный Меѳодіемъ; но безъ содѣйствія втораго епископа Меѳодій не могъ бы посвятить Горазда. Кто же это былъ?... Вѣроятнѣе всего, старѣйшій ученикъ еще Кирилла, Климентъ, былъ уже раньше посвященъ въ викарные епископы Меѳодіемъ, и такъ какъ отлученный врагъ Меѳодія, Вихингъ, имѣлъ каѳедру въ Нитрѣ, въ краю Словенскомъ (и теперь Словаки свой край называютъ Slovensko), то не былъ ли Климентъ предназначенъ для формальнаго замѣщенія Вихинга, съ каѳедрой тамъ же, въ Словенской Нитрѣ, откуда въ старыхъ сборникахъ сочиненій Климента онъ титулуется «епископъ Словеньскъ»?... Любопытно, что и славянскіе памятники, изрѣдка, называютъ Климента прямо «епископъ Великой Моравы» (см. проф. Дринова, Новый ц. слав. памятникъ, Спб. 1885, 10). Съ этимъ предположеніемъ становится болѣе понятнымъ любопытный фактъ повторенія одного изъ словъ Климента въ сборникѣ латино-нѣмецкой церкви изъ X вѣка, для Хорутанъ, въ изв. Фрейзингенскихъ статьяхъ.—Папа Стефанъ, обвиняя Горазда въ антиканоническомъ поставленіи, очевидно, имѣлъ въ виду 23 правила Антіохійскаго собора: «не подобаетъ епископу, аще и конецъ житию своего, иного оставляти наслѣдника въ себе мѣсто». (Павловъ, Памятники др. р. канон. права, I 177).

[1]) Но, можетъ быть, путешествіе Горазда съ товарищами отъ границъ Моравіи въ Болгарію, за Дунай, и не было столь быстро, какъ это выходитъ изъ позднѣйшей греческой легенды. По Дунаю жили Славяне, Мадьяры: межь нихъ могли путники провести нѣкоторое время и заниматься насажденіемъ или утвержденіемъ христіанства: жатва была вѣдь обильная. Кажется потому, что кард. Bartolini, въ своихъ «Memorie» не неправъ, полагая, что Паннонское житіе Меѳодія составлено гдѣ нибудь въ нижней Панноніи, вскорѣ послѣ паденія Моравіи, ученикомъ-изгнанникомъ (стр. XIX).

[2]) Таже терминологія, что и у старыхъ Чеховъ, а отчасти и теперь. Изъ чешскихъ проповѣдей Яна Гуса мы узнаемъ, что въ его время только каменная церковь называлась kostel (изъ лат. castellum, откуда и современ-

Семеона—первая половина X-го вѣка. Въ виду письменной и церковной дѣятельности этихъ изгнанниковъ, о всѣхъ ихъ можно сказать стихами изгнанника Константина, обращенными имъ къ себѣ:

«Шествую нынѣ по слѣду учителя,
Имени его и дѣлу послѣдуя».

Неизвѣстна судьба миссіи восточныхъ путниковъ: но о ней позволительно догадываться по послѣдовавшимъ обстоятельствамъ.

Предъ нами, напримѣръ, такіе историческіе факты, какъ славянская православная церковь среди Славяно-Румынъ Трансильваніи и Венгріи, среди Русскихъ сѣверной Венгріи и Галичины отъ самой глубокой, незапамятной старины: но кѣмъ и когда насаждались здѣсь, въ этихъ обширныхъ, дѣвственныхъ краяхъ, сѣмена Меѳодіевой церкви?... Позволимъ себѣ предложить нѣкоторыя соображенія и нѣкоторыя данныя о русской части вопроса [1].

* * *

Судьба, какъ вообще русскаго народа въ Венгріи, такъ, особенно, его западныхъ отпрысковъ по границѣ съ Словаками—въ

ное польское kościół), но деревянная—cierkev, что священникъ до XIV в. назывался pop и уже позже kniez, какъ и у Поляковъ ksiądz (оба термина изъ стараго славянскаго кънѧзь, съ значеніемъ владыки, господина, какъ и сегодня въ верхнелужицкомъ языкѣ). Что старо-польская христіанская терминологія имѣетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ объ источникѣ проповѣди евангелія среди Поляковъ, видно изъ того, что у западныхъ Хорутанъ (Словенцевъ), куда слово Меѳодія не прошло, гдѣ христіанство обязано своимъ происхожденіемъ сосѣднимъ Нѣмцамъ Баваріи, и терминологія нѣмецкаго начала: binkosti изъ pfingsten, nebochod kristusov буквальный переводъ Christihimmelfahrt. Если о binkosti еще можно возражать и связывать его съ терминомъ Меѳодіевой церкви—пѧтикости, предполагая пропускъ слога -ти-, то о второмъ выраженіи сомнѣніе излишне.

[1]) Эти указанія служатъ къ дальнѣйшему обоснованію мыслей о стародавности русскаго населенія въ сѣверной Венгріи и православной церкви славянскаго обряда среди него, предложенныхъ нами въ Варшавскомъ «Филологическомъ Вѣстникѣ» за 1881 годъ № I стр. 183 — 193. Тамъ же, стр. 191—193, посильное разрѣшеніе вопроса, какимъ образомъ могло сформироваться христіанство, именно, въ формѣ православной славянской церкви, среди Румынъ, какъ слѣдуетъ понимать самый фактъ христіанизаціи этого племени, исторіей не отмѣченный. Наука не знаетъ, по крайней мѣрѣ, не знала до послѣдняго времени Бонифація или Кирилла Румынъ: но его обрѣла румынская наука. Въ извѣстномъ анонимномъ трудѣ Picot, Les Serbes de Hongrie, начало православной церки въ формѣ славянскаго обряда среди Румынъ (и уже готоваго, сформировавшагося историческаго племени) приписывается какому то Moznopon'у, якобы ученику Кирилла (!!). Откуда это?... Въ

комитатахъ Спишскомъ (Zips), Шарошскомъ, Абууйварскомъ, достойна внимательнѣйшаго изслѣдованія славянскихъ и, въ частности, русскихъ историковъ. Къ несчастію, жалкая политика, рассовой фанатизмъ Мадьяръ, не даютъ мѣста наукѣ. Напрасно мы искали бы науки по этому вопросу отъ любопытной въ другихъ отношеніяхъ книги изв. Гунфальфи—его «Исторической этнографіи Венгріи»: противурѣчій не оберешься. И теперь, спустя болѣе столѣтія, славянская наука повторитъ пожеланія знаменитаго стараго венгерскаго этнографа, Матвѣя Бѣла: «et esset profecto optandum, ut gentis hujus antiquitates curiose perscrutaretur aliquis, et certa ab incertis, peregrina ab domesticis, sollicitius disterminaret [1])». Вспомнимъ еще, что и западнѣе Шароша и Абууйвара простирается русская стихія, но уже въ видѣ островковъ: среди Словаковъ въ горахъ Гемерскаго комитата—не подалеку отъ Меѳодіевой Нитры. Это—русскія поселенія: Шумячъ, Нижній Скальникъ, Телгардъ и Вернаръ. Здѣсь, въ началѣ наст. столѣтія, Русскихъ было, безъ жителей Скальника, 3300 душъ, теперь

ссылкѣ авторъ указываетъ на статью г. Гиждеу: «Славянскій языкъ у Румынъ до 1400 года» въ газетѣ «Troianu» 3 авг. 1869 и слѣд. (стр. 23). Вообще, славянскому элементу въ вопросахъ румынской исторіи, языка, приходится не легко отъ свободныхъ пріемовъ изслѣдователей. Извѣстно, напр., что вся Трансильванія густо унизана топографическими именами славянскаго начала, которыя своею звуковою стороною указываютъ на глубокую старину славянскаго населенія въ краю, а между тѣмъ масса населенія теперь—Румыны и никакихъ Славянъ. Какъ уяснить это явленіе? Изслѣдователь рѣшаетъ просто: «славянскія мѣстныя имѣна въ Трансильваніи, говоритъ Гастнеръ, ведутъ свое начало не отъ чистыхъ Славянъ (такъ какъ вліяніе западныхъ Славянъ на край не допустимо), но отъ Румынъ, языкъ которыхъ былъ уже совершенно насыщенъ славянскою стихіей, отъ Румынъ, которыя, перекочевывая съ юга на сѣверъ, несли съ собой свой уже многообразно смѣшанный языкъ» («Zum rumänischen Lautgeschichte» въ «Zeitschrift für Romanische Philologie», 1878, II 472). Рѣшительно и коротко... А между тѣмъ вопросъ о распространеніи христіанства въ Трансильваніи, первоначально славянской, тѣсно связанъ съ проповѣдью евангелія среди Русскихъ по обоимъ склонамъ Карпатъ. Кто крестилъ этихъ Русскихъ, тотъ крестилъ и Славянъ Трансильваніи, а тѣмъ и Румынъ.—Ср. нашъ «Отчетъ (третій) изъ-за границы», 45 прим., гдѣ образцы ставленныхъ грамотъ прошл. вѣка изъ русской Венгріи.

[1]) См. Dobrowsky, Slovanka, II 182.

почти столько же[1]). Обыкновенно полагаютъ, что эти Русскіе— случайные насельники поздняго времени.

Извѣстный въ свое время знатокъ края, Ladislaus Bartholomaeides, въ своей «Inclyti Sup. Hungariae comitatus Gömöriensis notitia historico-geograph.-statistica» (Leutschoviae 1806), о жителяхъ села Телгарда замѣчаетъ: «incolae Slavi Rutheni sunt (1188 душъ), religionis graeci ritus unitorum... Ceterum, Telgardum peregrinantibus, ob pericula latrociniorum, semper terrori fuit. Sane saeculo XVI ineunte, solis fere inhabitabatur latronibus aut eorundem sociis et adjutoribus[2])». Но старый православный храмъ въ селѣ Скальникѣ, во время автора уже сильно подновленный, говоритъ о стародавности поселенія: «initia igitur villae (Скальника) ad Slavos referri debent, et quidem, testante id aede sacra, ad Slavos Russos vel Ruthenos. Nam aedem illam, sacris graeco ritu peragendis aedificatum fuisse forma ejus hactenus conspicua, sed nupera dilatatione jam mutata, dubitare non sinit[3])». Авторъ отмѣчаетъ, что священникъ у гемерскихъ Русскихъ назывался попомъ: «sacerdotem seu popam... apud se habent[4])». Если-же принять во вниманіе давно отмѣченный наблюдателями фактъ—легкій переходъ венгерскихъ Русскихъ — на западѣ въ Словаковъ, на востокѣ въ Румынъ, то, можетъ быть, нѣкоторыя изъ русскихъ поселеній въ Гемерѣ, среди высокихъ горъ, послѣдніе остатки былаго на-

---

[1]) Именно, въ Шумячѣ 1470 душъ, Телгардѣ 1188, Вернарѣ 640. Такъ по Л. Бартоломеидесу, о которомъ ниже. По Схематизму Пряшевской (Eperiess) греко-католической епископіи на 1827 годъ показано: въ Шумячѣ 1830 душъ, Телгардѣ 1308, Вернарѣ 760; на 1870 годъ въ первомъ 1734 души, во второмъ 1411, въ третьемъ 612. Но въ обоихъ схематизмахъ не указанъ Скальникъ, ниже среди приписныхъ приходахъ (in filialibus), какъ не указуется число жителей его у Бартоломеидеса, хотя село помѣщено въ числѣ русскихъ поселеній. Вѣроятно, жители перешли въ латинство, а съ этимъ въ Словаковъ.—Телгардъ, Шумячъ—сосѣди, по самому верховью Грона; Вернаръ отдѣльно, къ сѣверу. Скальникъ (Szkálnok), Нижній и Вышній, стоитъ особнякомъ, въ значительномъ разстояніи къ югозападу отъ Шумяча, на лѣвомъ берегу рѣчки Римы, впадающей въ Шайо, ниже соединенія съ ней Римавицы и на с. востокъ отъ Гача. См. J. Lipszky, Tabula generalis r. Hungariae..., Pesthini 1810, № II.

[2]) Стр. 709. 710.

[3]) Тамъ же 699.

[4]) Тамъ же 695.

селенія, входившаго когда-то въ составъ эпархіи Нитрянскаго епископа, викарія Меѳодія [1]). Подобное же явленіе предлагаютъ Русскіе въ Буковинѣ, въ Хотинскомъ уѣздѣ Бессарабской губ. (чесноковцы, райляне)... Замѣтимъ, что вообще славянское населеніе Гемера ютится въ горахъ, а мадьярское въ долинахъ, и наблюдательный Бартоломеидесъ вѣрный отсюда сдѣлалъ выводъ: «Sane fluvius Sajó (переводъ слав. Слана, Солоная) inde a scaturigine sua usque ostium talibus circumdatus est sarmatibus slavicisque coloniis et locis. Huc retuleris ex. gr. loca: Красна гора, Brzotjn, Плѣшивецъ, Теплица, Горка, Czoltowo, Panitowo, Путникъ, Рима-Сѣчь, Жирковцы, Симоновцы, Дубовцы, Павловцы, Яношовцы, Батька, Бѣгинцы, Hodegowo et similia, quae etsi ab Hungaris nunc inhabitentur, a Slavis tamen primum posita et denominata sunt. Scilicet advenientibus et plana occupantibus Hungaris, Slavi locis his cedere atque ad montana se recipere cogebantur [2])». Въ его время число Мадьяръ и Славянъ въ комитатѣ было почти ровное: 66.000 на 71.000 [3]).

Итакъ, на далекомъ западѣ, въ горахъ Гемера, хранятся какіе-то дивные останки мощнаго русскаго народа, и той же восточной славянской церкви, почти не вѣдомые міру. Если бы они могли повѣдать намъ свое прошлое!... Быть можетъ, оно сказало бы намъ, что южнѣе Гемера расположенный мадьярскій городъ Gács, сокращеніе изъ Галичъ, какъ показываетъ и словацкая форма имени—Halič, не случайно повторяетъ имя

---

[1]) Уже Чапловичъ въ своихъ «Gemälde von Ungarn» замѣтилъ, что число Словаковъ, хотя они и крайне равнодушны къ своему языку, увеличивается съ каждымъ днемъ, потому что всѣ: Мадьяре, Нѣмцы, Русскіе, охотно принимаютъ ихъ языкъ (I 219, 220). «Русскіе, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, постепенно словакизуются или мадьяризуются, такъ что языкъ ихъ въ крайнемъ упадкѣ» (I 223). Тоже вырожденіе языка Русскихъ въ Венгріи на западѣ и югѣ могли замѣтить и мы. — О селѣ Вернарѣ имѣется указаніе, что оно основано въ 1295 году нѣкимъ Вернеромъ изъ Спиша. Ему предоставлено было отъ короля право въ выкорченномъ лѣсу «populos congregare more sculteforum aliorum» (грамота—въ указываемомъ черезъ страницу трудѣ К. Вагнера, т. I 443). Поселенцы сами избирали священника: «plebanum etiam ipsi villani eligent idoneum in eorum ecclesiam, pari voluntate»—черта православной старины.

[2]) Inclyti Sup. Hungariae и проч. 102,

[3]) Тамъ же 119.

своего сѣверно-карпатскаго собрата на верхнемъ Днѣстрѣ [1])... Въ сосѣдствѣ того же города имѣемъ мы и два села съ тѣмъ же историческимъ именемъ: Gács—falu и Gács—Lehota.

Въ тоже самое время, въ томъ же маловѣдомомъ словацко-русскомъ краю хранились долго, если не сохранились и по сегодня, подобно тому какъ это видимъ въ Чешской земли, слѣды православной Меѳодіевой церкви въ обычаяхъ и обрядахъ самой католической церкви, счастливой преемницы старой церкви IX-го вѣка. Въ чешскихъ эпархіяхъ на Богоявленіе святятъ воду; но этого обряда нѣтъ въ сосѣдней Вѣнской [2]). Подобныя православныя воспоминанія блюлись и защищались, какъ старина, святыня, мѣстною католическою церковью въ комитатахъ Спишѣ и Шарошѣ даже въ послѣдніе годы среднихъ вѣковъ.

Католическіе приходы обоихъ славацко-русскихъ комитатовъ вѣдались искони своеобразнымъ способомъ — капитулой при церкви св. Мартина въ Szepes-Váralya или Спишскомъ Подградьѣ (теперь мѣстечко того же имени съ $3^1/_2$ тыс. жителей, съ каѳедрой Спишскаго епископа; величественный храмъ имени св. Мартина, на высокомъ холмѣ, возносится далеко надъ всею окрестностью, по-одаль желѣзной дороги, съ лѣва, не доѣзжая Кромпаха). Капитула состояла изъ 15 членовъ, съ препозитомъ въ главѣ. Подъ ней стояло въ началѣ XVI стол. 93 прихода съ 7 округами (districti, благочинія). Главное католическое населеніе составляли нѣмецкіе колонисты, итальянскіе (отсюда имена селъ Olaszi, т. е. Власи, Влахи, славянское имя въ мадьярской формѣ въ началѣ), Словаки на западѣ и немногіе окатоличенные Русскіе на востокѣ. Сама капитульная церковь

---

[1]) Въ XI-мъ стол. на югъ отъ Карпатъ упоминается страна Ruzzia. Въ 1018 король Стефанъ Святой отнялъ отъ Польши край между Дунаемъ и Карпатами и отдалъ своему сыну Мирку. Сюда къ Мирку, послѣ смерти Болеслава Храбраго (1025), спасся бѣгствомъ Отонъ, братъ Мечислава II: «Misico fratrem suum, Ottonem—in Ruzziam provinciam pepulit» (Vita Chuonradi у Пертца, Mon. XI). Подъ 1031 год. въ Гилдесгеймской лѣтописи Мирко называется dux Ruizorum. Объ этомъ см. Fr. Rački, Borba južnich Slovena, въ изд. Загреб. Акад. Н. «Rad», кн. XXVII. О распространенности имени русскій въ Венгріи XI в. свидѣтельствуетъ и имя бана въ хорватскомъ Приморьѣ—Rusin (т. же, 115).

[2]) См. Иречекъ, Slovanské právo, I 118.

св. Мартина была очень старая. Въ оффиціальномъ описаніи ея отъ конца XVII стол. значится: церковь старая, каменная и, вѣроятно, со времени Стефана Святаго († 1038).

Въ 1472 году, препозитъ эпархіи церкви св. Мартина, Back, обращается къ папѣ Сиксту IV съ просьбой объ обновленіи одного любопытнѣйшаго «обычая», практиковавшагося въ мѣстной церкви съ древнихъ временъ. Бакъ писалъ: «... quod per antiqua privilegia et publica instrumenta constat, ecclesiam S. Martini comitatus Scepusiensis ... olim cathedralem fuisse et quod adhuc inter alia ecclesiae ipsius localia conservantur mitra et buculus pastoralis, quodque dictae ecclesiae Praepositus pro tempore existens, de antiqua consuetudine in die Coenae Domini, ante missam in majori porta (царскія врата?) dictae ecclejiae indutus paramentis convenientibus, cum orationibus, ac aliis in hoc servari solitis cerimoniis, congregata populi multitudine, semel solemniter...»,—что препозитъ въ дѣлахъ духовныхъ всегда имѣлъ права епископскія. Сикстъ IV согласился на просьбу Бака «объ исконномъ обычаѣ надѣванія митры» и разрѣшилъ: «in prefata ecclesia et extra eam in quibuscunque locis, in quibus ipse praepositus pro tempore existens, jurisdictione praedicta uti consuevit, mitra etiam auriphrygiata (золотая и восточнаго типа) seu margaritis et lapidibus pretiosis decorata (украшенная рубинами и драгоцѣнными камнями), ac baculo pastorali (епископская палица) et aliis pontificalibus insigniis, quoties tibi et aliis placuerit, libere utu, nec non... quamvis etiam pleno jure non subessent, benedictionem solennem post missarum, vesperarum et matutinarum solemnia, dummodo in benedictione hujusmodi aliquis antistes (т. е. настоящій епископъ)... praesens non sit....[1])»

---

[1]) Это и выше приведенныя свѣдѣнія заимствованы изъ рѣдкаго въ настоящее время изданія Карла Вагнера: Analecta Scepusii, sacri et profani, collexit Carolus Vagner, 4 части. Pars I, Viennae 1774—bullae P. Rom., Caesarum, regumque diplomata aliaque monimenta literaria; p. II (ibidem)—scriptores rerum Scepusiacarum; p III—praepositi, supremi comites Scep., tabulae genealogicae; p. IV, Cassoviae 1778—продолженіе третьяго тома; а именно: II 192—197, 279 (ср. III 9), I 346—347).—Что за венгерскій монахъ Юліанъ, для котораго около 1247 г. неизвѣстный священникъ изъ Галиціи переписалъ книгу Судей? (Срезневскій, Памятники русск. п. и языка, 49, по Дудику, Iter Romanum, I 335).

Итакъ, «antiqua consuetudo» мѣстой Спишской католической церкви XV-го вѣка заключалась въ слѣд. отклоненіяхъ отъ установленій общекатолической церкви:

1) въ торжественномъ надѣваніи и ношеніи протоіреемъ (препозитомъ), управлявшимъ на правахъ епископа епархіей, церкви св. Мартина, во время службы, всюду, въ предѣлахъ своей области — епископской митры, и православнаго образца, украшенной дорогими камнями [1]), и

2) въ подачѣ благословенія на отпускѣ при обѣднѣ, вечернѣ и утренѣ, тогда какъ право благословенія католическою церковью строго возбранено священникамъ.

Кажется, эти данныя предлагаютъ нѣкоторое основанія утверждать, что еще въ XV стол. живы были слѣды, унаслѣдованные отъ глубокой старины — отъ православной церкви св. Меѳодія, въ порубежномъ краю Словаковъ и Русскихъ—въ практикѣ самой латинской церкви.

Теперь, имѣя въ виду эти восточныя, православныя воспоминанія, намъ будутъ яснѣе и другія явленія въ томъ же любопытномъ для русскаго и славянскаго историка краю, того же дореформаціоннаго (до Лютера) времени, среди массы населенія, именно славянскаго.

Мы видѣли, славянское населеніе странной Спишско-Шарошской эпархіи составляли Словаки и Русскіе. Но Словаки должны быть почитаемы такими же колонистами, какъ Нѣмцы и Итальянцы, вызванные для руднаго дѣла. По крайней мѣрѣ, въ старинныхъ (съ XIII вѣка) мѣстныхъ юридическихъ документахъ и Словаки, какъ и Нѣмцы, именуются однимъ именемъ — hospites, т. е. пришельцы, въ отличіе отъ коренныхъ сельчанъ — rustici, слѣд. Русскихъ. Такъ Словаки hospites въ грамотѣ 1258 года: «... terram Nadosth de Zypes hospitibus Sclavis dederimus [2])», какъ въ грамотѣ 1270 года нѣмецкіе колонисты [3]). Права hospitum отъ правъ крестьянъ строго различались, если не на практикѣ, то въ грамотахъ. Такъ Нѣмцы—

[1]) И теперь первый каноникъ Спишской епископіи въ томъ же Váralya носитъ старый титулъ—Praepositus Major infulatus (см. напр. Schematismus almae dioecesis Scepusiensis, на 1827 г.).

[2]) Wagner, op. c. I 80.

[3]) Тамъ же 106.

hospites селъ Wagendrüzel и Stilbach—въ 1358 году жаловались королю Людовику на стремленіе господъ priровнять ихъ къ крестьянамъ, что братья Георгій и Степанъ Бубеки (имя мадьярское) «eosdem hospites tanquam rusticos conservarent, et ad metendum fruges in comitatum Lyptoviensem, falcandum foenum ac alia servitia rusticalia, non curata ipsorum libertate compellerent [1])». Очевидно, servitia rusticalia, т. е. барщина, были исключительнымъ достояніемъ крестьямъ—rusticorum, стало быть, долею Русскихъ: они одни не hospites, не колонисты. Косвенно подтверждаетъ насъ и грамота 1533 года. Она перечисляетъ поселенія у Рожнявы: «civitates montanae—Ruda bania, Zamolnok, Gelnecz, Swedler; villae (т. е. села) Remethe, Henczman, Koysso [2])». Генчманъ, иначе Helczmanócz, Hansdorf, Койсовъ и теперь русскіе приходы, а Ремете, иначе Мнишекъ, приписной приходъ къ Генчману; по Схематизму 1827 года въ первомъ приходѣ указано 1565 душъ, во второмъ 1094, и объ обоихъ отмѣчено: «lingua slavo-ruthenica» [3]).

Итакъ, основное, автохтонное населеніе края—комитатовъ Спиша и Шароша—не только славянское, но и русское. Это же утверждается и тѣмъ, что на сѣверѣ Русскіе обоихъ комитатовъ непосредственно упираются въ русское же населеніе сѣвернаго отрога Карпатъ въ Западной Галичинѣ, при чемъ послѣднее, вдоль по кряжу горъ, тянется еще дальше на западъ—почти до Краковскаго меридіана, составляя около 15% [4]), а разъ

---

[1]) Тамъ же 209.

[2]) Тамъ же 42.

[3]) Историческое различіе русскаго и словацкаго населенія въ краѣ отражается въ мѣстныхъ именахъ—въ противуположеніи эпитета русскій эпитету словенскій—т. е. словацкій, въ названіяхъ отдѣльныхъ поселеній у Мадьяръ: Orosz—falu, Русское село, въ отличіе отъ Tóth—falu.

[4]) См. карту № III въ приложеніи къ объективному труду, хотя и польскому, Владислава Рапацкаго (Rapacki), Ludnóść Galicji, Lwów 1874. На крайнемъ западѣ русскіе села въ Галичинѣ: Малая и Большая Верхомли на Попрадѣ, Черная и Бѣлая Воды, Шляхтова и Щавница на Дунайцѣ; уже за Дунайцемъ Манёвъ не подалеку отъ Новаго Торга; сѣвернѣе его село Huba, уже польское, но имя, очевидно, русское: губа, а не gęba. Лежащее между Щавницей и Манёвымъ село Чорштынъ, теперь польское, т. е. съ католическимъ населеніемъ, раньше несомнѣнно было русскимъ, какъ ясно свидѣтельствуетъ его имя—отъ корня чорт, съ русскимъ измѣненіемъ корневаго гласнаго въ *о*, а не съ польскимъ—въ *а*. См.

оно русское, то и православное, как показываютъ его нынѣшніе остатки — греко-уніатскіе, съ XVIII стол., приходы. Католиковъ же Спишской католической эпархіи, напр. въ XIV, XV вѣкахъ, помимо колонистовъ—hospites—составляли Русскіе, но принявшіе латинскій обрядъ. Естественно, католическая пропа-

---

Schultz, General Post — und Strassenkarte des Kronlandes Galizien und Lodomerien, Wien 1873. Лежащія на югъ отъ Верхомлей мѣстечка: Подолинецъ, Гнѣздо и Любовля, вдоль верхняго Попрада, уже въ Спишѣ, слѣд. въ Венгріи, у самой подошвы Высокихъ Татръ, въ виду Ломницкаго Верха, теперь не русскія, раньше должны были быть крайними сѣверозападными русскими поселеніями по южному склону Карпатъ. На это имѣются слѣдующіе доводы: 1) Сохраненное Мадьярами и нѣмецкими колонистами (послѣдніе здѣсь съ XIII стол.) имя Любовля, съ мягкимъ *л* послѣ *в* изъ *j*: Lublyó (съ обычнымъ у Мадьяръ пропускомъ серединнаго слога въ заимствуемыхъ именахъ, ср. Hácz изъ Галичъ, Röcze изъ Ревуча), Lublau, между тѣмъ какъ Поляки, по свойству консонантизма своего языка, устранили чуждый имъ звукъ *л* мягкій, изъ *j*, послѣ губныхъ, замѣнивъ его мягкимъ *н*: Lubownia, а не Любовля.—Но эта передѣлка русскаго имени въ польскихъ устахъ имѣла мѣсто лишь послѣ XIV стол., какъ ясно въ виду грамоты 1332 года, ниже приводимой. Во время написанія этой грамоты Любовля была, вѣроятно, еще русская. 2) Поселявшіеся въ верхнемъ Спишѣ нѣмецкіе колонисты—въ XIII стол. — своему мѣстечку на верхнемъ Попрадѣ, между Подолинцемъ и Гнѣздомъ, дали имя Rusin-bach, т. е. Русскій Ручей, очевидно, не случайно. И теперь оно у Мадьяръ называется также—Rusz- bach, читай—Русъ-бахъ; но у Нѣмцевъ, подъ вліяніемъ этимологическаго осмысленія, звучитъ уже Rauschen- bach, откуда у Словаковъ Družbaky (См. Lipszky J., Repertorium locorum in XII tabulis Mappae r. Hungariae..., Budae 1808). Изъ стараго Гнѣзда (такъ оно и теперь у Мадьяръ) Словаки сдѣлали Кнежно, Нѣмцы Kniesen, отсюда и у высокопочтеннаго Я. Ѳ. Головацкаго, ветерана-этнографа забытыхъ русскихъ людей на западѣ — Княжно (см. его Географическій Словарь з.-слав. и югослав. земель, 147). Поляки правильно Gniazdo. 3) Нѣкоторое число Русскихъ и теперь въ Любовлѣ—117 душъ.

О стародавности Любовли, Гнѣзда и Подолинца (такъ и нѣмецкой колоніи Русскій Ручей) свидѣтельствуетъ судная грамота о границахъ владѣній Краковскаго епископа отъ 12 февраля 1332 года: «... prout et ipsius antecessores possiderunt spiritualem jurisdictionem in Podolin, Hnazdo, Lubowla et in aliis villis secundum antiquam limitacionem camporum, siluarum et moncium sursum progrediendo ad alpes nimium aque seu riuuili versus Poloniam defluunt in Dunayecz et in Poprod, et ab alia parte Poprod incipiendo de metis Rusinbach prout riuuli a summitate montis, qui wlgariter Tympnicz dicitur, versus Poloniam decurrunt in Poprod infra loca eadem, ecclesias fundamendo, consecrando...» (Monumenta medii aevi historiam, res gestas Poloniae illustrantia, T. I, Kraków 1874, p. 191).

ганда распространялась и тогда, какъ и теперь (напр. въ Боснѣ и Герцеговинѣ), путемъ насилія, формальной приписки, а потому, при малѣйшемъ потрясеніи значенія католической церкви, старыя, православныя, воспоминанія, еще свѣжія, не могли не пробиваться наружу среди массы загнаннаго населенія. И дѣйствительно, когда въ первой половинѣ XV стол. чешское гусово ученіе, съ причастіемъ подъ обоими видами (тѣла и крови), проникло на югъ отъ Карпатъ, въ Спишѣ и Шарошѣ, къ ужасу католическихъ прелатовъ, множество приходовъ стало на сторону новаго ученія и отступилось отъ католическаго причастія подъ однимъ видомъ. Въ 1449 году епископы Венгріи писали Краковскому архіепископу, за которымъ числился Спишъ и Шарошъ: «... caeterum noveris, insurrexisse in partibus superioribus regni (Венгріи) bohemos latrones (т. е., гуситы изъ Чехіи), qui inter alia, quae gravius ferimus, induxerunt, secum et inducunt haeresim hussitarum, ita, ut in comitatibus Scepusiensi et de Saros plurimae reperiantur parochiae, in quibus jam defacto sub utraque specie communicatur, contra quos, ut nunc fieri potuit, providebitur bello [1])».

Категорическое свидѣтельство, что обращенные «схизматики», русскіе крестьяне «многочисленныхъ приходовъ», открыто отвергли навязанные имъ порядки, найдя подмогу въ пришельцахъ гуситахъ—этомъ своеобразномъ отпрыскѣ церкви св. Меѳодія[2])—и возвращались къ своей православной старинѣ, символъ которой—причастіе тѣла и крови Христовой подъ обоими видами

* * *

Вотъ факты иные. Памятники православно-славянской литературной дѣятельности Чеховъ спустя полъ-вѣка послѣ кончины Меѳодія, какъ житіе князя Вячеслава (†936), какъ знаменитый, недавно открытый, чинъ службы при пренесеніи его мощей изъ Болеславы въ Прагу — сохранились только между рукописей русскихъ, и такого далекаго времени, какъ XII вѣкъ («Чинъ»); культъ чешскихъ православныхъ мучениковъ—

---

[1]) Wagner, op. c. I 29.

[2]) Объ этомъ отпрыскѣ см. нашу монографію: Братья-подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка (Одесса 1873), въ общемъ обзорѣ.

Вячеслава и его бабки Людмилы, чтился въ семьѣ уже князя Владиміра [1]).

Ужели допустить, что всѣ эти дорогіе свидѣтели православной славянской старины Чеховъ предварительно проциркулировали Болгарію и Византію, прежде чѣмъ попали на Русь?... Но все объясняется удовлетворительно, если предположить, что и чешскіе православные памятники и чешскій княжескій культъ прошли къ Русскимъ на средній Днѣпръ, вскорѣ послѣ своего появленія, по той тропѣ на востокъ, которая проложена была полъ-вѣка назадъ нѣкоторыми изъ Моравскихъ изгнанниковъ, спутниковъ Горазда...[1]). Не забудемъ, что вторая половина X и начало XI

---

[1]) Житіе св. Вячеслава, найденное въ поздней русской рукописи XV в. Востоковымъ, тогда же было опредѣлено знаменитымъ славистомъ, какъ памятникъ современной, т. е. X вѣка, православной письменности Чеховъ. Позже проф. Калужняцкій нашелъ списокъ того же житія въ Львовѣ — въ прологѣ XV (?) вѣка, но также въ русской рукописи. См. Труды 3-го археологич. Съѣзда, II 221. Въ южнославянской письменности списка житія чешскаго князя не открыто. Но особенно замѣчательно, что это житіе Вячеслава пріютилось на Руси уже съ начала XI вѣка, слѣдов., лѣтъ пятьдесятъ послѣ своего появленія въ Чехіи, и именно во дворѣ великокняжескомъ. Біографъ Бориса и Глѣба, Несторъ, говоритъ, что Борисъ, ожидая своихъ убійцъ, «нощи же суще повелѣ слугамъ принести свѣщю и вземъ книгы, нача чисти», а какія книги, поясняетъ второй біографъ, мнихъ Яковъ: «помышляшеть же мученіе и страсть стого Никиты и св. Вячеслава, подобну же сему убиену быти». Срезневскій, Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ, 16, 48. Чтеніе этихъ житій занимало Бориса съ малыхъ лѣтъ: «чтяше... жития и мучения святыхъ» (т. же 7). Еще любопытнѣе другой чешскій православный памятникъ, — открытый въ двухъ минеяхъ нѣсколько лѣтъ назадъ, и также въ русской копіи, XII—XIII вѣка, это—«Чинъ» службы при перенесеніи мощей того же князя Вячеслава въ Прагу — память чего празднуется нашею церковью сегодня 2 марта, по житію Вячеслава 3-го, католическою 4-го. Составъ службы православный: сѣдальня, кондакъ, стихира и пр. Языкъ старъ: Прага еще называется по старому: Прагъ (извѣстно, что у Козмы имя города толкуется limen порогъ), зв. прил.: блажене, прѣславьне. Сама служба написана Чехомъ, вѣроятно, при перенесеніи. Ср. выраженія: «тѣло твое сватое, блажене, приимъ Прагъ днесь, прѣхвальныи ти градъ...», (пѣсня 8), «весело ликуетъ Прагъ днесь... почитая памать ти и чюдесы озарѧ свѣтьло вса страны» (п. 7). Вся служба — Rad, XXI. Ср. Изв. 2 отд. Ак. Н. т. V.—Не даромъ же у Чеховъ, въ XIII—XIV вѣкахъ, сложилось темное представленіе, что—де Меѳодій былъ русскій—«Rusin» (хроника Далимила).

[2]) Косвеннымъ доказательствомъ непосредственнаго перехода чешскихъ славяно-православныхъ памятниковъ изъ мѣста своего появленія къ Рус-

вѣковъ прошли въ ожесточенной борьбѣ Болгаръ въ Византіей, и какъ разъ въ эпоху Владиміра Болгаре напрягали послѣднія усилія противъ одолѣвавшихъ Византійцевъ. И, тѣмъ не менѣе, изъ этой, уже гибнувшей подъ ударами Византіи, Болгаріи, и по указанію Византіи же, пошли первые сотрудники Владиміра, священники съ славянской библіей Меѳодія, говорятъ намъ... Ясно, что наша церковная старина въ общей связи событій можетъ представиться иначе.

Такимъ образомъ, и общій ходъ событій—исторія проповѣди христіанства по сю и по ту сторону Карпатъ, и историко-литературныя данныя, разрѣшаютъ намъ полагать и прочное начало христіанской церкви въ Русской Землѣ, какъ непосредственное насажденіе Меѳодіевыхъ учениковъ перваго поколѣнія.

*
* *

Но есть и другія основанія въ пользу нашей мысли—основанія внутренняго достоинства. На нихъ я позволяю обратить Ваше, Мм. Гг., особенное вниманіе.

Эти основанія — духъ, направленіе русской жизни изъ первыхъ временъ формаціи нашей русской гражданственности и духъ первыхъ произведеній русскаго слова. Онъ говоритъ довольно открыто, что мы — непререкаемые дѣти паствы великаго славянскаго Учителя, но относились въ тоже время къ византійскому Югу, который тогда праздновалъ свою полную побѣду, можно бы сказать — тризну, надъ Болгарами и повторялъ первую работу Рима — въ Моравіи, по смерти Меѳодія—надъ извлеченіемъ Меѳодіевыхъ сѣменъ христіанской культуры —съ полнымъ уваженіемъ, но безъ подобострастія, съ разсужденіемъ своихъ народныхъ интересовъ.

Почти наканунѣ того, какъ легаты Запада высокомѣрно клали буллу на алтарь св. Софіи, въ далекомъ Кіевѣ скромный

скимъ можетъ служить и то обстоятельство, что въ то время, какъ они отсутствуютъ въ богатой письменности православныхъ Славянъ юга, житіе Вячеслава найдено въ часословѣ 1443 г. у Хорватовъ-католиковъ, но глагольскаго обряда. Къ послѣднимъ оно должно было перейти прямо съ сѣвера, вѣроятно, вмѣстѣ съ славянскими священными и богослужебными книгами. О восточномъ характерѣ первоначальной церкви у Хорватовъ, потомъ уже католиковъ, но съ словѣнскимъ богослуженіемъ, см. указан. выше монографію акад. Рачкаго—«Borba...», Rad, XXVII 103.

соборъ русскихъ епископовъ выбиралъ митрополита всея Руси въ лицѣ Берестовскаго священника - отшельника, «Русина» Иларіона. Кратко, но знаменательно записала національная лѣтопись это событіе въ жизни русской церкви: «постави Ярославъ Лариона митрополитомъ Руси святой Софьи собравъ епископы». Это было въ 1051. Кто былъ Иларіонъ, мы увидимъ ниже.

Этотъ шагъ къ самостоятельности, самоопредѣленію не понятенъ отъ церкви, если она сложилась полъ-вѣка назадъ, новполнѣ понятенъ при предположеніи, что христіанское ученіе и практика даже на берегахъ Днѣпра отмѣчали свою исторію не однимъ столѣтіемъ и невидимымм для насъ нитями связывались съ далекой паствой славянскаго Первоучителя, потрудившагося всю свою долгую жизнь надъ возращеніемъ въ своей церкви идеи справедливаго самоопредѣленія и свободнаго національнаго развитія [1]).

---

[1]) «Справедливымъ», называетъ и преосв. Макарій въ своей Исторіи русской церкви (II 313) самостоятельное избраніе Иларіона на Кіевскую митрополію, но для объясненія его все еще прибѣгаетъ къ справкѣ съ позднѣйшими лѣтописями и съ Татищевымъ, толкующими тотъ знаменательный актъ, какъ результатъ недавней антипатіи Кіева къ Византіи по случаю войны. Но авторъ сейчасъ же поправляется: «правда, прошло уже более 3 лѣтъ, какъ война окончилась славнымъ миромъ...» (тамъ же, 8), и затѣмъ подкрѣпляетъ себя свидѣтельствомъ византійскаго, рафинированнаго, варварства, истинно чудовищнаго... Но все это — повтореніе Филарета, его Ист. русск. церкви, 1849, 166 и прим. Чтобы ни придумывать, но фактъ избранія Иларіона, русскаго, и не инородца, не объясненъ спеціалистами. Ссылка на Палинодію Копыстенскаго (Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы, 3 изд. 10), якобы Иларіонъ искалъ подтвержденія у патріарха своего избранія, ничего не говоритъ: позднее извѣстіе есть благочестивое измышленіе и свидѣтельство, что избраніе Иларіона всегда всѣхъ занимало въ Россіи и по желанію толковали. Если въ дѣльной и скромной аргументаціи Собора южнорусскихъ епископовъ въ Новомъ Городкѣ 1415 года о правѣ свободнаго избранія митрополита въ Кіевъ не упоминается избраніе Иларіона, а только аналогическое событіе чрезъ сто лѣтъ, при Изяславѣ (проф. Павловъ, Памятники и пр. I, 311): то въ замѣчательномъ по своему дипломатическому такту посланіи Моск. князя Василія Васильевича Константинопольскому патріарху Митрофану въ 1441 г., объясняющемъ основанія изверженія митроп. Исидора, «о комъ ни послахомъ, ни паки кого просихомъ, ни требовахомъ», въ концѣ, какъ бы въ скобахъ, стоитъ прямое указаніе: «понеже и преже сего, за нужу, поставленіе въ Руси митрополита бывало». (тамъ же, 536). Очевидно, имѣются въ виду поставленіе Иларіона и то, на которое ссылается литовскій соборъ 1415 года. Тщетно искалъ бы русскій

Чтò восчувствовали на Югѣ въ виду Кіевскаго событія и при крайне осложнявшихся отношеніяхъ съ Западомъ, не знаемъ. Но представить себѣ можемъ.

Если изъ-за малаго куска, какъ Болгарія, возгорѣлась такая жгучая распря въ IX в. между Югомъ и Западомъ — чьи права на нее: то понятно дѣйствіе свободнаго избранія Русина въ Кіевѣ, когда, въ критическія минуты для Византіи, отходилъ такой громадный край, какъ Русская Земля. И, въ самомъ дѣлѣ, на Югѣ рѣшили не попускать повторенія. Открывается настойчивая политика возврата.

Когда чрезъ сто лѣтъ, въ 1147 году, при князѣ Изяславѣ, была повторена попытка церковнаго самоопредѣленія, и тотъ же соборъ русскихъ епископовъ избралъ снова Русина на митрополію въ Кіевѣ, Климента Смолятича, мужа глубокаго ума и святой жизни, дѣло не прошло гладко, благодаря окрѣпшему

читатель разъясненія не разъясненнаго событія 1051 года въ новѣйшемъ, весьма толстомъ, трудѣ спеціалиста по этому вопросу, профессора Петерб. Духовной Академіи, Т. Барсова: Константинопольскій патріархъ и его власть надъ Русскою церковью» (Спб. 1878). Если въ первомъ отдѣлѣ странная защита основаній восточнаго папизма, то во второмъ, насъ, Русскихъ, спеціально трактующемъ—сокращенное изложеніе Исторіи русской церкви Макарія. Избраніе Иларіона въ нѣсколькихъ словахъ, съ банальнымъ толкованіемъ, на стр. 448. Оригинально и толкованіе замѣчательнаго выраженія въ договорѣ Игоря 945 года о церкви св. Ильи въ Кіевѣ—«се бо бѣ сборная церкви», что это—де приходская церковь, синонимъ синагоги, 305, прим. Но сборъ на языкѣ древнерусскихъ церковныхъ памятниковъ всегда означалъ то, чтò мы называемъ соборъ и, спеціально, вселенскій соборъ. Ср. напр. «О ересехъ латыньскихъ... ихже ради имамы ихъ неприобщеныхъ съборнѣй и апоустольстѣй црькви» (проф. Павловъ, Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, Спб. 1878, прилож. V, 151). Быть можетъ, эпитетъ церкви сборная у лѣтописца обозначаетъ каѳедральную церковь, въ отличіе отъ приходской... Архіеп. Филаретъ ставитъ между прочимъ избраніе Иларіона въ связь съ перепитіями спора патріарха Керулларія съ Римомъ, противъ чего возражаетъ митр. Макарій (II 9). Конечно, годы избранія и положенія отлучительной буллы кардин. Гумбертомъ не совпадаютъ (1051, 1054), но близки. Темное современное свидѣтельство, что папскіе легаты посѣтили тогда «civitatem Russorum» — толкуется все еще различно: Филаретъ (ор. с. I 83) и А. Поповъ (Ист. литер. обзоръ др. русской полатики противъ латинянъ) въ «civitas Russorum» видятъ Кіевъ, Макарій и проф. Павловъ (Критическіе опыты..., 41) пріурочиваютъ къ гавани Константинопольской.

византійскому прозелитизму: совмѣстникъ Климента изъ Константинополя поспѣшилъ предать проклятію уже умершаго князя Изяслава, а «Клима» аспидомъ назвалъ самъ патріархъ [1]).

Красною нитью проходитъ вопросъ, поставленный русскою церковью при избраніи Иларіона о самодержавіи церкви, чрезъ послѣдующіе вѣка, попытка идетъ за попыткой, а на Югѣ мятутся паки и паки. Вспомнимъ слова князя Ростислава въ 1164 году патріарху, Кіевскій соборъ 1168 года. Онъ особенно обострился къ концу XIV-го в., когда ставилось разомъ по нѣскольку митрополитовъ на Русь, и уже волны Чернаго моря дѣлались свидѣтелями страшныхъ сценъ... Наконецъ, Кіевскій вопросъ о самодержавіи русской церкви былъ разрѣшенъ въ половинѣ XV вѣка, и по пониманію его русскими людьми XI столѣтія, когда послѣдній посланникъ съ Юга, Исидоръ (у современниковъ Сидорко), принятіемъ уніи съ Римомъ на Флоренційскомъ соборѣ, сдернулъ омрачавшее покрывало съ дѣйствій, упованій и металлическихъ расчетовъ Константинополя [2]).

* * *

Съ тѣмъ же постоянствомъ и заботой преслѣдовались идеи блага земли — національнаго развитія и мирной, гуманной, общительной жизни — и первенцами русскаго слова и ихъ школой, съ тѣмъ же знаменитымъ Иларіономъ, Русиномъ-митрополитомъ, во главѣ, не смотря на условія, склонявшія жизнь къ задачамъ нѣсколько иного типа, но оказавшіяся безсильными.

---

[1]) Макарій, Исторія р. ц. III 297.

[2]) Тамъ же, III 21, 26—27, IV 68 (о потопленіи митропол. Михаила) съ соотвѣтствующими ссылками на лѣтописи. Кипріяна Дмитрій Донской силою не впускалъ въ Москву, а потомъ съ поношеніемъ изгналъ, продержавъ въ заключеніи. Тщетно ссылался Кипріянъ, что вся вселенная вѣдаетъ, что онъ «избраніемъ великаго и священаго сбора и благословеніемъ и ставленіемъ вселенскаго патріарха поставленъ». Князь желалъ свободнаго избранія, именно, Михаила, котораго Кипріянъ обвинялъ: «ничто же есть убо злѣйшее сего — еже божественное дарованіе... себѣ приобрѣтаеть мьздою или силою княжескою». Кипріянъ выставляетъ прерогативу патріарха, а въ Москвѣ «патріарха литвиномъ назвали, царя такоже и всечестный сборъ вселеньскъ»- Объявляя анаѳему, Кипріянъ заключалъ: «къ Царюгороду ѣду боротис. Богомъ и св. патріархомъ—и тіи на куны надѣются и на фрязы». (Памятники и пр. проф. Павлова, I 176, 178, 184, 186). О кунахъ и фрязахъ, разныхъ

Эти условія—теорія исключительности, вышедшая изъ особыхъ обстоятельствъ жизни Юга, прикрывавшая нерѣдко, или интересы себялюбія, или узкость воззрѣній аскетизма. Они исходили, естественно, на первомъ мѣстѣ отъ лицъ, трудившихся надъ политикой возврата. Эти лица за рубежемъ рисовали все темными красками—вездѣ одна гниль, опасная язва—но русская дѣйствительность была глуха. Можно сказать, что чѣмъ настойчивѣе проводилась теорія первоизбранности, тѣмъ упрямѣе была дѣйствительность.

Представитель воззрѣній Юга указывалъ на Западъ, что то «удъ изгнилъ, не исцѣленъ», и въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ: «не хотять мощемъ кланятися, друзии ни святыихъ иконъ», и въ обыденной жизни: «ядять удавленину и мертвьчину, его же не творяху ни жидове, и желвь (т. е. черепаху) нечистую[1])»,

---

банкирскихъ соображеніяхъ—замѣчательны патріотическимъ чувствомъ страницы у Макарія, Исторія р. церкви, V, 278 — 287 разборъ теоріи прерогативъ Юга вадъ русскою церковью. Въ заключеніи разбора авторъ оправдываетъ изв. укоризну Витовта императору и патріарху: «и то есмы на нихъ гораздо познали, штожъ они хотятъ того, чтобы по своей воли ставити митрополита по накупу, хто ся у нихъ накупитъ на митрополью, и чтобы таковый въ ихъ воли былъ. здѣ бы грабя, пусто чиня, а къ нимъ выносилъ». Каждому изслѣдователю извѣстно, что оба великіе славянскіе Первоучителя не признаются спеціальною греческою церковью, и даже у ближайшихъ современниковъ ни слова объ ихъ высокой христіанской дѣятельности. Отношеніе же Фанара къ Славянской церкви также извѣстно. Законъ постепеннаго развитія приложимъ и къ міру идей, а не къ однимъ физическимъ явленіямъ, и идея Фанара не родилась, какъ Минерва изъ головы Юпитера, а должна имѣть продолжительную эмбріональную исторію. Отношеніе Юга къ русской церкви—страничка изъ этой исторіи. Въ этомъ же мы видимъ предостереженіе противъ увлеченій романтизма. Кириллъ и Меѳодій не были исповѣдниками идей ни Рима, ни Византіи, а были чистыми христіанами, христіанами первыхъ вѣковъ. Вотъ почему намъ мнится, что одна тема была бы своевременна для молодыхъ изслѣдователей Славянства, для исповѣдниковъ св. св. Кирилла и Меѳодія—«прослѣдить развитіе идей Фанара».

[1]) Митроп. Георгія «Стязанье съ Латиною» у проф. Павлова, Критич. опыты..., прилож. IX 196, 194. Г. Павловъ считаетъ авторомъ митроп. Никифора, современника Мономаха, тамъ же 49. Мы уже не упоминаемъ объ обвиненіяхъ противъ латинянъ у нашего Ѳеодосія, который, повторяя ходячія обвиненія на Востокѣ, по слухамъ (объ этомъ у Макарія, Ист. р. ц. II 135), въ своемъ энтузіазмѣ составлялъ и свои, напр., что они «пьютъ свой сецъ (проф. Павловъ, Крит. опыты 47), конечно, не по личному знакомству съ своими противниками, съ ихъ обычаями жизни.

не безъ остроты замѣчалъ, что «и жены ихъ аще быша хотѣли, и на престолѣхъ быша сѣли [1])».

Но международныя отношенія шли по старымъ, жизнью выработаннымъ, колеямъ, браки заключались по старому, добрыя сосѣдскія связи цѣнились.[2])

Неожиданное перевезеніе мощей святителя Николая Норманами юговосточной Италіи изъ Малой Азіи въ Баръ (1087) тогда же было празднуемо и русскою церковью въ Кіевѣ (до 1093 года). .. Едва ли заблуждался Карамзинъ, видя здѣсь духъ кроткаго христіанскаго единенія [3]), который именно мы находимъ

---

[1]) Митр. Никифора Посланіе къ Волынскому князю Ярославу Святополчичу у Макарія, Ист. р. ц. II 360. Ср. Павловъ, ор. с. 63. Митрополитъ требовалъ «не пити, ни ясти, ни цѣловатися», лишь въ ихъ посудинѣ давать ѣсть (Макарій, 1. с.)

[2]) До XIV вѣка, до Казиміра Великаго, отношенія Русскихъ къ Полякамъ отличались пріязненнымъ характеромъ. Въ знаменитой Ипатской лѣтописи, памятникѣ конца XIII в., нѣтъ слѣда какого-нибудь религіознаго фанатизма, недоброжелательства. Русскій лѣтописецъ говоритъ о католической церкви съ тѣмъ же уваженіемъ, какъ и о своей родной. Укажемъ на разсказъ лѣтописи подъ 1279 годомъ о погребеніи князя Болеслава. Въ отношеніи лѣтописца къ польской церкви—образчикъ отношенія обыкновенныхъ русскихъ людей къ ихъ польскимъ сосѣдамъ. Съ чувствомъ глубокаго и искренняго сожалѣнія говоритъ нашъ лѣтописецъ о братской враждѣ между Болеславомъ и Кондратомъ: «вложи дьяволъ ненависть во два Самовитовича, въ Кондрата и во Болеслава, и начаста враждовати между собою и воеватися» (подъ 1281 годъ). Тотъ же лѣтописецъ подъ 1286 г. подробно разсказываетъ объ отношеніяхъ между Волынскимъ княземъ Владиміромъ и Мазовецкимъ Кондратомъ. Небольшая выдержка дастъ вполнѣ ясную картину этихъ отношеній.—Володиміръ умиралъ. Къ нему пріѣхалъ Кондратъ и сталъ такъ говорить: «Господине, братъ мой, ты же ми былъ во отца мѣсто, съ тобою есьмь, господине, княжилъ и города своя держалъ». Теперь Кондратъ проситъ умирающаго наказать своему брату-преемнику, чтобы тѣже добрыя сосѣдскія связи между Русскою землею и Мазовецкою продолжались дальше.—Очевидно, католическая церковь только позже успѣла возрастить въ Польшѣ сѣмена фанатизма, и нива оказалась также добрая.

[3]) Иначе объясняется это замѣчательное событіе позднѣйшими писателями. Отмѣтимъ только, что если наши предки относились довѣрчиво къ сообщеніямъ «паче ума человѣчьска», то никто не поставитъ имъ этого въ упрекъ.—Любопытно современное событію Слово русскаго писателя — т. е. подробный разсказъ о перенесеніи мощей. Оно—апологія. Основаніе перенесенія—общее опустошеніе Турками отъ Корсуня до Ерусалима, и мощи оказались въ «пустѣ мѣстѣ». Перенесеніе было по волѣ Святителя, который явился

и у современнаго знаменитаго представителя русской церкви, поражавшаго паству своею ученостью, у Іоанна II.

Какъ рѣдкій диссонансъ, звучало кроткое слово мира у великаго митрополита, и въ его любовной перепискѣ съ папой Климентомъ, «достойнѣйшимъ апостольскаго сѣдалища», и въ домашнихъ совѣтахъ, искавшаго одного: «подобаеть отъ болшаго зла изволите меншее». За то и національное мнѣніе записало въ лѣтопись о немъ золотое слово—приговоръ: «не бысть така преже въ Руси, ни по немъ не будетъ такаго» (подъ 1089 г.), не безъ сознанія, очевидно, непріятнаго опыта. Такой судъ знаменателенъ [1]).

во снѣ священнику въ Барѣ. Съ хитростью снаряжаются три корабля, якобы съ пшеницей, и съ оружіемъ въ рукахъ берутъ мощи. Точность разсказа: 11 апрѣля отплыли изъ Миръ, 9 мая въ Барѣ; поденное исчисленіе изцѣленій; на третій годъ, 29 сентября, было перенесеніе мощей въ новую церковь самимъ «папежемъ» Германомъ (Урбаномъ), и всѣ «яша, пиша и веселишася» (Макарій, ор. с. II, прилож. № 7, 343). Изъ какого же источника были добыты всѣ эти обстоятельныя свѣдѣнія русскимъ писателемъ и въ слѣдъ за событіемъ?... Несомнѣнно, не изъ Византіи.

[1]) Посланіе Іоанна II къ папѣ ветхаго Рима, Клименту, въ оригиналѣ и старомъ переводѣ у проф. Павлова «Критич. опыты», прилож. VII, 169. Особенно важенъ § 1, именно, конецъ: «не реку—не хрестьяны вы (хрестьяны убо васъ изъ начала знаемъ), но еже не во всемъ вѣру держите хрестьянску, но во мнозѣ раздѣляетеся». Въ оригиналѣ еще осторожнѣе выражена мысль: «ἐν πολλοῖς λίαν ἀποδεχόμεθα, ἀλλ' ἐν τίσι ἀποσχίζεσθε»,—т. е. раздѣленіе кое въ чемъ противуполагается единству ἐν πολλοῖς—во мнозѣ. Далѣе, въ § 11—тотъ же миръ и умъ: изъ-за удавлины не враждовать.—Здѣсь нельзя не вспомнить любопытной, но загадочной, молитвы, въ русской рукописи XV в. приписываемой св. Кириллу, «учителю Словеномъ и Болгаромъ», гдѣ на ряду съ Кирилломъ, Меѳодіемъ, Вячеславомъ, Борисомъ и Глѣбомъ, призываются Войтѣхъ, Магнусъ († 1047), Канутъ († 1086), Албанъ († 1072), Олафъ († 1000) и Батульфъ. Но въ пергаменномъ отрывкѣ той же молитвы XIII в., и все въ русской рецензіи, Магнусъ, Канутъ, Албанъ пропущены, хотя предъ Борисомъ и Глѣбомъ стоятъ Аловъ, Бутулвъ, а «святыи ликъ папежей» такъ: Климентъ, Силивестръ, Левъ, Стефанъ, Георгій, Зиновій, Власій, и папежи помѣщены сейчасъ же за апостолами; Кириллъ и Меѳодій въ самомъ концѣ, предъ ветхозавѣтными отцами. Оба текста—копіи съ пропавшаго оригинала. Владѣлецъ пергаменнаго отрывка, г. Шляпкинъ, въ Журн. М. Нар. Пр., 1884, декабрь, 267, полагаетъ, что молитва составлена, вѣроятно, въ XI—XII стол., когда еще не было рѣзкаго разлада между Востокомъ и Западомъ.—Несомнѣнно, молитва подвергалась различнымъ пополненіямъ, но едва ли только въ Россіи: можетъ быть, она чешскаго происхожденія, вѣка X. Ср. въ ней прошеніе: «обрати, господи, поганыя въ крестьянство, да

Но не смотря на эти новыя культурныя условія, земскія начала старой жизни такою же обильною струей били въ произведеніяхъ писателей-первенцевъ нашего роднаго слова — у этихъ высокихъ патріотовъ и представителей Русской Земли XI столѣтія [1]).

Нарушимъ же покой вѣковыхъ могилъ и пригласимъ ихъ держать слово въ тысячелѣтнюю годовщину нашего общаго учителя...

* *

Вотъ Кіевская лѣтопись—ея первыя страницы.

Съ особеннымъ удареніемъ говоритъ она о величіи своего народа, поучаетъ, что «единъ языкъ Словѣнескъ» и на Дунаѣ, и Чехи, и Поляне-Русь: зане «Поляне звахуся, но словѣньская рѣчь бѣ». Съ подобнымъ же чувствомъ указываетъ, что труды великихъ Просвѣтителей среди далекихъ Моравань—грамота, славянскій переводъ Библіи — подвигъ общеславянскій: «яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайсвихъ».

Полный справедливаго энтузіазма къ виновникамъ духовнаго возвышенія Славянъ, Кириллу и Меѳодію, лѣтописецъ Полянъ на Днѣпрѣ мысленно переносится въ среду Словѣнъ въ минуту появленія св. братьевъ съ переводомъ Библіи, и—«ради быша Словѣне яко слышаша величія Божья своимъ языкомъ», глашаетъ онъ, какъ бы свидѣтель первыхъ впечатлѣній отъ первой славянской службы Божьей—отъ первыхъ звуковъ перваго евангельскаго отрывка: «Искони бѣ слово...». Очевидно, тоже

и тѣ будуть наша братья», и молитву въ Кіевскомъ глаголич. миссалѣ: «цѣсарьствѣ нашемь ги милостьѭ твоеѭ призьри и не отъдазь нашего тоузимъ, и не обрати насъ въ плѣнъ народомъ поганьскъімъ» (Труды 3 археол. Съѣзда въ Кіевѣ, II 189). Народъ поганьскъ, вѣроятно, Мадьяре.

[1]) Конечно, слабому дѣйствію проповѣди Юга содѣйствовала и невразумительность языка иностранныхъ пастырей. «Не данъ ми бысть даръ язычный и безгласенъ посредѣ васъ стоя и молчу много», извиняется даже митроп. Никифоръ (Макарій, ор. с. II 366). О преемникѣ знаменитаго Іоанна II, митроп. Іоаннѣ III, лѣтописецъ не безъ юмора занесъ: «приведе Янка (дочь Всеволода) митрополита и оскопьчину, его же видѣвши людье вси рекоша — се мертвецъ пришелъ... мужь не книженъ и умомъ простъ и просторѣкъ» (1090 г.), т. е. не могъ совсѣмъ объясняться.—Только по Якимовской лѣтописи—уже Владиміровы попы, Корсунскіе и другіе, были Славяне, а г. Барсовъ (ор. с.) даже Исидора, предавшаго православіе, усвояетъ Болгарамъ (415).

чувство исполняло нашихъ предковъ XI вѣка, когда они слышали Меѳодіевы словеса.

Горячее патріотическое отношеніе къ Солунскимъ братьямъ, къ княгинѣ Ольгѣ—она первая «вниде въ царство небесное отъ Руси» и молиться можетъ за Русь—еще понятно у лѣтописца-мниха. Но что ожидать отъ него для Святослава, который «творяше норовы поганьскыя», а христіанства намѣренно сторонился?... Естественно, слово осужденія...

Но нѣтъ, Святославъ подъ перомъ лѣтописца, хотя язычникъ—гордость и слава земли: хоробръ и легокъ яко пардусъ, сурово-простъ и благороденъ: «посылаше къ странамъ глаголя—хочю на вы ити». Сколько глубины чувства, сколько смысла въ противуставленіи открытаго характера русскаго языческаго князя фальшивому Грека, краткаго и сильнаго слова Святослава фальшиво-медоточивымъ рѣчамъ Византійцевъ!

Для лѣтописца Святославъ не побѣдимъ, и его патріотическое чувство заставляетъ пріукрашать событія—побѣжденнаго сдѣлать непобѣдимымъ. Князь-язычникъ гибнетъ отъ предательства того же вѣроломнаго Грека-христіанина... Всѣ симпатіи къ Святославу, все негодованіе къ Византійцу, а позднѣйшій читатель, для укрѣпленія справедливости отношенія, прибавилъ отъ себя замѣтку: «суть бо льстиви и до днесь».

Смиренный мнихъ, не мудрствующій, говорятъ, лукаво, тѣмъ не менѣе весьма мудрствуетъ, когда однимъ замѣчаніемъ дѣлаетъ приговоръ цѣлой эпохѣ въ жизни русской церкви (о митрополитѣ Іоаннѣ II, см. выше), когда не скрываетъ своихъ чувствъ по поводу того или другаго событія, въ которомъ участвовали наставители наши съ Юга [1].

*
* *

Что разсудительный лѣтописецъ отмѣчалъ на листахъ пергамена, въ поученіе и память своимъ русскимъ людямъ, то въ болѣе доступной формѣ, съ прямымъ воздѣйствіемъ на

---

[1]) Подъ 1164 г. лѣтописецъ подробно говоритъ о клятвонарушительномъ убѣжденіи епископа Черниговскаго, Антонія, но, безъ удивленія, заключаетъ: «се же молвяше (епископъ) имъ, льсть тая въ себѣ—бяше бо родомъ Гречинъ».

массу, съ церковной каѳедры, развивалъ митрополитъ Русинъ, Иларіонъ.

Не отреченіе, а сближеніе съ міромъ роднаго прошлаго, воспитаніе уваженія къ нему въ умахъ своей христіанской паствы — занимаетъ мысли знаменитаго первостольника, перваго «настолованнаго» Русина въ Кіевѣ.

Наука давно признала за произведеніями Иларіона достоинства, совмѣщенію которыхъ едва можно вѣрить у писателя, открывающаго книгу исторіи нашей литературы и языка: и глубокое знаніе св. Писанія, и искусные пріемы опытнаго оратора, сближающіе его съ знаменитѣйшими духовными витіями нашего времени, не говоря уже о горячемъ христіанскомъ чувствѣ [1]). Къ нимъ прибавимъ еще одно качество, тѣмъ драгоцѣннѣйшее, чѣмъ нежданнѣе оно—горячее патріотическое чувство, одинаково объемлющее и христіанскую эпоху Владиміра, и время до, такое же гордое сознаніе своего русскаго происхожденія въ любовномъ обращеніи съ минувшимъ родной земли, какое и у мниха-лѣтописца, величаніе дѣятелей даже «поганнаго» періода, а не брезгливость къ нимъ,—патріотическое чувство, искавшее, наконецъ, для выраженія себя выхода въ поэтическихъ оборотахъ и образахъ народной героической пѣсни, продолжавшей громко звучать въ устахъ современниковъ Иларіона и незабвенной имъ.

Не такого отношенія мы въ правѣ ожидать отъ митрополита къ временамъ языческой старины. Оно тѣмъ необыкновеннѣе, чѣмъ менѣе гармонировало съ руководительными взглядами со стороны, препоручавшими иные пріемы, и въ эпоху, когда на сѣверѣ еще сильно господствовалъ культъ волхвовъ, выступавшихъ открыто соперниками епископамъ — полная антитеза нѣкоторымъ младшимъ современникамъ, интересы которыхъ вращались около отвлеченной морали, усугубленной иноземными идеалами.

Позволимъ себѣ сказать, что у Иларіона чувство русскаго гражданина брало верхъ надъ каждымъ другимъ.

Слово Иларіона о вѣрѣ любви съ Похвалой кагану Владиміру неправо называютъ «перломъ всей нашей духовной

[1]) Прибавленія къ твореніямъ св. Отецъ ч. II, Москва 1844, 217.

литературы I-го періода»—до Монголовъ[1]): оно—перлъ всей нашей литературы. И сегодня ему надлежало бы достойное мѣсто въ русской школѣ, на немъ воспитывать бы нарастающія поколѣнія. . . .

Уже самый выборъ темы—похвала кагану—вызванъ, по видимому, соображеніями скорбящаго патріота.

И у лѣтописца, и у младшаго современника Иларіона, мниха Якова, выразителя того же земскаго направленія, мы встрѣчаемся съ удивительнымъ обстоятельствомъ, о которомъ оба глубоко скорбятъ и осуждаютъ—съ забвеніемъ памяти князя Владиміра у современниковъ ихъ, хотя всего нѣсколько болѣе полустолѣтія минуло отъ смерти кагана: одни де путаются съ Корсунскимъ событіемъ, другіе равнодушны[2]).

Такое же равнодушіе къ памяти Владиміра, который и въ лѣтописи, и въ современной былинѣ одинаково величается за ласковость и милостивость, отличало и современниковъ Иларіона. И наоборотъ, на сколько холодности было здѣсь, на столько живо и восторжено было отношеніе людей къ его дѣду и отцу—старому Игорю и славному Святославу. Снять эту несправедливость, поставить на одну высоту христіанскаго героя съ героями родной старины, къ гордой славѣ которыхъ не безразличенъ самъ Иларіонъ—вотъ побужденіе, которое заставило роднаго митрополита, «Русина», остановиться на каганѣ Владимірѣ. Здѣсь и основная мысль Похвалы.

Мы оставимъ содержаніе Слова и Похвалы (тѣсная внутренняя связь ясна: Слово доказываетъ, что «ново ученіе — новы мѣхы, новы языкы» требуетъ), ходъ доводовъ—почему и какая хвала достоитъ и Владиміру... Насъ въ настоящую минуту интересуетъ приступъ къ Похвалѣ, съ дорогою исповѣдью русскаго человѣка, съ любопытными указаніями на сюжеты народной богатырской пѣсни тогда, къ счастію, не погибшіе для насъ безслѣдно, а донесшіеся въ формѣ полуисторическихъ, полумиѳическихъ былинъ Начальной лѣтописи о богатырскихъ дѣлахъ русскихъ князей X-го в., только не въ мѣрномъ словѣ.

---

[1]) Макарій, Исторія рус. церкви, I 127.

[2]) Темное мѣсто въ лѣтописи подъ 988 годомъ: «се же не свѣдуще право глаголють, яко крестился есть въ Кыевѣ; инни же рѣша—въ Василевѣ, друзии же рѣша инако сказающе».

Указаніемъ, какъ новая вѣра—«истина и благодать»—распространялись по землѣ, что ей было «лѣпо на новый людъ возсияти» и дойти «до нашего языка русьскаго», Иларіонъ начинаетъ Похвалу.

«Хвалитъ же, говоритъ ораторъ, похвальными гласы Римская страна Петра и Павла, има же вѣровавши... Вся страны, и грады, и людіе, чтутъ и славятъ коегождо ихъ учителя, иже научиша православнѣй вѣрѣ»... Если такъ, то «похвалимъ же и мы, по силѣ нашей, малыми похвалами великая и дивная сътворшаго нашего учителя и наставника, великаго кагана нашея земля—Владимѣра»...

Словами — «учитель нашъ», «наставникъ» сказано все. Какихъ же еще указаній-эпитетовъ мы можемъ ждать въ характеристикѣ христіанина-князя въ устахъ оратора митрополита?... Но—характеристика продолжается, и чертами, которыя прямо и осязательно вводятъ слушателя въ круговоротъ интересовъ только что покинутаго языческаго періода. Иларіонъ освѣжаетъ въ памяти, хотя и языческое, но славное, прошлое родной земли и этими сочувственными напоминаніями какъ бы желаетъ засвидѣтельствовать, что новая, христіанская, Русь не антитеза старой—до Владиміра, Владиміра—«внука, напоминаетъ митрополитъ, стараго Игоря, сына же славнаго Святослава, иже, въ своя лѣта владычествующа...».

Но, скажутъ—можетъ быть, эпитеты «старый», «славный» —просто риторическія прицѣпки?... Нѣтъ—они съ очень опредѣленнымъ, реальнымъ смысломъ: старый Игорь и славный Святославъ «... мужьствомъ же и храбрьствомъ, пояснительно продолжаетъ Иларіонъ, прослуша въ странахъ многихъ (т. е. у сосѣдей, ибо страна у старыхъ нашихъ писателей всегда синонимъ иноземнаго народа) и поминаються нынѣ и словутъ»... Очевидно, поминаются въ богатырской былинѣ, словутъ, какъ славные русскіе богатыри, въ христіанской паствѣ оратора, въ обиду не дававшіе родной земли у Чернаго моря — противъ Грека, въ степяхъ востока — противъ Казарина. Такимъ образомъ, митрополитомъ языческая, до-владимірская, богатырская былина засвидѣтельствована, а мнихомъ-лѣтописцемъ записана, какъ наставляющій примѣръ потомству[1]).

[1]) Митрополитъ пользуется содержаніемъ народной исторической пѣсни, сочувствуя ея героямъ. Младшій же современникъ его, мнихъ Несторъ

Нужно было, чтобы протекло много времени, прежде чѣмъ могли забыться сюжеты старѣйшей былины, отмѣченные у Иларіона—земскіе подвиги дѣда и отца, прежде чѣмъ вытѣснились они подвигами христіанина внука и сына—а послѣдніе не не признавались и современниками Иларіона: «твоя бо, говоритъ и митрополитъ, а не одна лѣтопись, щедроты и милостыня и нынѣ въ человѣцѣхъ помнемы суть», но, очевидно, слабѣе. Современная же модернизовавшаяся былина едино ихъ помнитъ.

Но на высшую ступень патріотическаго чувства, на ступень гордаго сознанія своего національнаго достоинства, достоинства Русской Земли, подымается нашъ великій землелюбецъ XI вѣка, когда, съ своей стороны, свидѣтельствуетъ о законномъ основаніи, о правѣ народа прославлять и своихъ языческихъ князей—стараго Игоря и славнаго Святослава: они—«не въ худѣ бо, говоритъ Иларіонъ, и въ невѣдомѣ земли владычествоваша, но въ Руськои, яже вѣдома и слышима есть всѣми конци земля...» [1]).

Дивно было настолованіе Иларіона на митрополичью каѳедру Кіева, дивенъ и самъ Иларіонъ, какъ человѣкъ, съ своими идеями и чувствами, свѣтившимися «яко бисеръ въ калѣ» разныхъ завезенныхъ лимонаріевъ и апокрифовъ, среди воззрѣ-

---

(о немъ ниже), удобно помѣщаетъ въ своемъ пониманіи чисто языческое космическое воззрѣніе народа. Въ своемъ Сказаніи о чудесахъ Бориса и Глѣба онъ съ искреннею наивностью сообщаетъ читателю, что «аще бо или сребро или злато скровено будетъ подъ землею, то мнози видятъ огнь горящь на томъ мѣстѣ» (по изд. Срезневскаго—см. ниже—23). Словно, это суевѣріе, корни котораго далеко въ прастаринѣ, записано южнорусскимъ этнографомъ только вчера.—Намъ думается, что изв. упоминаніе въ Волынской лѣтописи подъ 1251 г. о «славной пѣсни» народа Галицкимъ князьямъ, Даніилу и Васильку: «пѣснь славну пояху има», въ связи съ послѣдующимъ пѣсеннымъ выраженіемъ объ отцѣ ихъ Романѣ: «иже бѣ изоострился на поганыя, яко левъ, имъ же Половци дѣти страшаху» — свидѣтельство историческаго эпоса XIII столѣтія.

[1]) Отмѣтимъ стилистическія точки сближенія между Словомъ Иларіона и Словомъ о полку Игоревѣ:

а) одинаковая эпитетологія: старый Игорь, славный Святославъ напоминаютъ стараго Ярослава, храбраго Мстислава и др. Слова о полку.

б) одинаковые народные пріемы: «не въ худѣ бо и не въ невѣдомѣ земли»—«не худа гнѣзда шестокрилци» Слова.

ній исключительности и нетерпимости, которыя были, къ счастью, словеса праздная въ жизни.

«Повѣждь намъ, учителю нашъ, спросимъ мы, въ заключеніе, знаменитаго писателя-патріота его же словами: откуда ти припахну воня» русскаго духа?... Кто возрастилъ, взлелѣялъ этотъ высокій патріотизмъ, эту всепримиряющую широту взгляда, интересовъ въ скромномъ отшельникѣ Кіевской пещеры?... Конечно, не дыханіе Юга, а христіанство, какъ его обнялъ его великій истолкователь, первосвятитель Меѳодій, самъ первый славянскій землелюбецъ, завѣщавшій своей пугливой паствѣ церковь укрѣпляющаго и просвѣщающаго національнаго типа, сильную сознаніемъ своихъ чистыхъ воспитательныхъ задачъ, сильную своею художественною передачей на народную рѣчь паствы «глаголовъ живота вѣчнаго» вмѣстѣ съ возвышенными твореніями вселенскихъ учителей церкви[1]).

* * *

Володимиръ, «князь володый всею землею русскою», какъ не безъ удовольствія поясняли тогда его имя[2]), былъ темою не для одного Иларіона. Она повторяется и у другихъ писателей той же сознательно-патріотической, той же мнишеской школы. Дѣла Владиміра забывались, и надо было реставрировать его въ памяти народной. Мы видѣли, къ этой задачѣ приложилъ свою многоопытную руку Иларіонъ: ему послѣдовали и его младшіе современники — извѣстный собесѣдователь митроп. Іоанна II, мнихъ Яковъ, и біографъ-ученикъ Ѳеодосія, мнихъ Несторъ.

---

[1]) Справедливо говорилъ И. Кирѣевскій: «ученіе святыхъ отцовъ православной церкви перешло въ Россію, можно сказать, съ первымъ благовѣстомъ христіанскаго колокола» («Моск. Сборникъ» I 41). Съ духомъ любви и кротости, Иларіонъ рѣзко осудилъ идею избранности въ еврейскомъ законѣ и въ начальной попыткѣ регулировать христіанство воззрѣніями того закона. Иларіонъ говоритъ объ Іерусалимѣ: «...Старѣйше творящеся сущеи отъ обрѣзанія насиловаахув на христианыя, робичичи на сыны свободныя, и бываахувмежду ими распря многы и которы». «... Оправдание іюдейско скупо бѣ зависти ради, не бо ся простираше въ ины языкы, но токмо въ Іюдеи бѣ единой: христианыхъ же спасеніе благо и щедро, простираяся на вся края земленыя». «Вѣра христианская расплодися на множьство языкъ, и Христова благодать всю землю объятъ и яко вода морская покры ея». («О законѣ Мосѣовѣ»).

[2]) Несторъ, въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ.

Какъ литературный памятникъ, Похвала Володимѣру (съ житіемъ) мниха Якова—«граматица»—не можетъ быть поставлена въ уровень съ произведеніемъ Иларіона: многословіе, повтореніе, неумѣлое расположеніе. Но обоихъ единитъ общее чувство живаго и, такъ сказать, необыкновенно чувствительнаго патріотизма—любви къ славѣ и достоинству родной земли, ревнивое отношеніе къ ея чести. Такъ относились мнихи, истинно великіе мнихи, землю свою высоко державшіе!...

Какъ и знаменитый митрополитъ, Яковъ прежде всего обращаетъ вниманіе на кровную связь «давидьскаго князя Володимѣра» съ героями недавно завершившейся языческой, но славной, эпохи: и имъ князь величается какъ «сынъ Святославль и внукъ Игоревъ», и затѣмъ только указывается на его подраженіе бабѣ Олзѣ.

Какъ современная былина, Кіевская начальная лѣтопись и Иларіонъ, такъ и Яковъ право князя на живую память у народа основываетъ прежде всего на его практическихъ добродѣтеляхъ — милостынѣ, ласковости къ народу: «боле же всего бяше милостыню творя Володимѣръ... И не могу сказати многыя его милостыня: не токмо въ дому своемъ милостыню творяше, но и по всему граду, не въ Киевѣ единомъ, но и по всей земли русской—и въ градѣхъ, и въ селѣхъ». Въ праздники всегда у князя три столованья — трапезы: митрополиту съ клиромъ, бѣдному люду и боярамъ съ дружинниками. Точь въ точь какъ въ былинѣ.

За этимъ, Яковъ указываетъ на политическія заслуги князя, еще въ язычествѣ: «вся страны (т. е. сосѣди-инородцы) бояхуся его и дары приношаху», ибо «идѣже идяше, одолѣваше — Радимицѣ побѣди, Вятичи и Ятъвагы вся, и сребреныя Болгары побѣди и, на Казары шедъ, побѣди». Наконецъ, князь—крестилъ землю. И что же? Не смотря на эти неоспоримыя свидѣтельства доброй души и государственнаго ума, Владиміръ не понимается, не славится, какъ язычники—дѣдъ и отецъ, подчеркиваемые и Яковомъ: чувство автора оскорбляется; онъ сѣтуетъ и горюетъ. Съ словомъ горькой укоризны обращается онъ къ современникамъ: «дивно бо есть—се колико добра сътворилъ рустѣи земли, крестивъ ю, мы же, крестьяне суще, не въздаемъ почестья противу онаго возданію».

Не было справедливаго почестья къ историческимъ заслу-

гамъ «сына Святославля»: мало почестья и его гробу. И здѣсь родное чувство автора оскорблено, и Яковъ заботливо и со всею искренностью старается найти выходъ колеблющемуся мнѣнію и остановить его: «не дивимъся, възлюблении, объясняетъ онъ, аще чюдесъ не творить по смерти—мнози бо (т. е. святые) не сътвориша чюдесъ, но святи суть».

Но, дѣлая нѣкоторую уступку по отношенію къ Владиміру, Яковъ не допускаетъ ея къ Ольгѣ: «... на верху гроба (Ольги) оконце и видѣть честное тѣло; другымъ, иже не съ вѣрою приходять, не отворитея оконце гробное». «Тако, заключаетъ патріотъ-мнихъ, Богъ прослави рабу свою Ольгу, русскую княгиню[1])»...

* * *

Итакъ, земское печалованіе, забота о воспитаніи въ современномъ обществѣ «почестья» Владиміру, какимъ пользовались герои язычества—въ интересѣ развитія и укрѣпленія національнаго достоинства и самосознанія, проходитъ, какъ одна непрерывная нить, въ литературной дѣятельности обоихъ первенцевъ русскаго слова.

Тоже свѣжее чувство жизни, воспріимчивое отношеніе къ родной землѣ, а не отвлеченіе въ область морализаціи или сухаго дидактизма, подвигаетъ и третьяго знаменитаго мниха въ Кіевѣ, современника и соратника Якова (оба, вѣроятно, и жили въ обители Иларіона-Θеодосія) — Нестора, за которымъ потомство, не безъ основанія, закрѣпило почетное имя лѣтописца: ибо духъ его трудовъ и духъ лѣтописи одинъ, какъ одинъ онъ, впрочемъ, у всѣхъ писателей печерскихъ XI вѣка, за изъятіемъ можетъ быть, одного Θеодосія (если все его, что ему усвояется).

Себялюбивыя хотѣнія князей, а отсюда терзаніе русской земли отъ неурядицъ—«мятежъ и голка людская»—уже сильно чувствовались въ послѣднія десятилѣтія знаменитаго XI-го вѣка. Къ земскому нестроенію не только не глухо ухо мниха-отшельника, не только не безучастенъ онъ къ нему, но, въ своей отзывчивости къ страданію родной земли, онъ рѣшается помочь горю и выступаетъ съ духовнымъ оружіемъ искренняго слова—съ словомъ вразумленія.

И вотъ, одна и таже тема — вольное страданіе за благо

---

[1]) Похвала у Макарія, Исторія р. ц. I, 355—363.

русской земли юнѣйшихъ дѣтей героя Владиміра, Бориса и Глѣба (мать Болгарка), отъ руки старшаго брата Святополка (мать Грекыня) одновременно увлекаетъ и стараго мниха Якова, и его болѣе молодаго сотрудника — Нестора. Здѣсь чувство христіанина удовлетворяется святостью жизни обоихъ дѣтей Владиміра, чувство русскаго патріота—глубокимъ убѣжденіемъ, что братья — «новые граждане» тамъ отъ Руси, всегда готовые архистратиги родной земли и въ то же время подвигающій образецъ для нейдеальныхъ ихъ преемниковъ, хотя все въ той же «руськѣи велицѣ странѣ [1])». И оба чувства сливаются въ гармоніи. «Вы бо намъ и земля руськыя забрало и утвърженіе... тѣмъ же пособита по своемь отьчьствѣ, приглашаетъ Яковъ; блаженая, не забываита отьчьства, идеже пожила еста». Съ особенною силою указываетъ Яковъ на превосходство русскихъ князей даже предъ Дмитріемъ Солунскимъ: «не о единомь градѣ, ни о дву попечение и молитву вздаета, но о всей земли рустѣй [2])».

А современные князья не таковы: непослушливые, легкіе къ крамоламъ. «Мнози бо суть нынѣ, скорбитъ Несторъ, дѣтьскы князи, не покоряющеся старѣйшимъ и супротивящеся имъ...» [3]) Отсюда — нестроеніе: «... всяка пагуба да не найдеть на ны, взываетъ въ молитвенномъ восторгѣ Яковъ, дале отженета и усобьныя брани чюжа ны створита».

Но въ мысли, что Борисъ и Глѣбъ «заступника всеи странѣ нашей — рустѣи земли», оба княжескіе біографа и землелюбца находятъ успокоеніе для своего взволнованнаго современною жизнью чувства.

Прибавимъ еще одну характерную подробность въ содержаніи обѣихъ біографій. Она касается отношенія, и, вѣроятно, не случайнаго, иноземца, представителя Юга, къ достоинству національной святыни и тѣмъ сильнѣе рисуетъ предъ нами искреннее и живое національное чувство обоихъ нашихъ мниховъ.

Въ 1072 г. Изяславъ, вмѣсто обветшалой деревянной, построилъ въ Вышегородѣ («по истинѣ, вышнии, превышнии го-

---

[1]) Яковъ, въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ, по изданію Срезневскаго, Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ, Спб. 1860, XXIV.

[2]) Тамъ же, XXV.

[3]) Въ Чтении о житии и погублении Бориса и Глѣба, тамъ же, 38.

родъ всѣхъ») для мощей Бориса и Глѣба каменную церковь. Освященіе было особенно торжественно: митрополитъ Георгій, четыре епископа, игумены, князья. Словомъ, вся Русская Земля собралась на національное торжество, и вдругъ—въ эту минуту оказался одинъ, который усумнился въ достоинствѣ торжества, и то былъ иноплеменникъ, самъ митрополитъ... Онъ не вѣрилъ въ святость...

Съ особенною любовью рисуя Ѳеодосія, что онъ «свѣтяся акы солнце» посреди всѣхъ, Несторъ тутъ же замѣчаетъ о митрополитѣ: «бѣ не вѣрьствоуя яко свята блаженая». Яковъ немного смягчаетъ обиду отъ Георгія: «бяше не твердо вѣроуя къ святыма».

Это нежданное, но оскорбительное невѣріе митрополита искупается всенародною повинною. Увидѣвъ нетлѣнныя мощи, митрополитъ, объясняетъ Несторъ, «оужасеся въ оумѣ и... воздвигъ роуцѣ на небо, възопи глаголя: прости мя, Господи, яко согрѣшихъ—невѣрьствовахъ къ святыма твоима». Тѣми же словами рисуетъ сцену прощенія и Яковъ: «митрополита обиде оужасъ... и падъ ницъ просяше прощения [1])».

Народное чувство авторовъ-мниховъ задѣто иноземнымъ отношеніемъ къ «гражданамъ на небѣ отъ Русской Земли», но примиряется актомъ немедленнаго и всенароднаго прощенія: очевидно, оскорбленіе ведетъ къ бо́льшему возвеличенію князей —«заступниковъ» Русской Земли.

*
* *

XI-ое столѣтіе, устами своихъ литературныхъ представителей, сказало намъ, отдаленнымъ потомкамъ, свои высокіе идеалы. Это—живая забота о родной землѣ, ея чести и благѣ, и трезвое отношеніе къ жизни, отстранявшее теорію избранности. Но это—идеи того, кто душу свою положилъ на дѣло культурнаго успѣха и нравственнаго подъема Славянства—его просвѣтителя и первосвятителя Меѳодія.

Уже XI-ый вѣкъ утомилъ Ваше вниманіе, Мм. Гг., и я не буду нарушать могильнаго покоя послѣдующаго столѣтія: оно повторяло выработанныя раньше жизненныя начала. Кому не извѣст-

---

[1]) Срезневскій, op. c. 33, 76. Здѣсь невольно снова вспоминается невѣдѣніе греческимъ синаксаремъ великихъ святителей—Кирилла и Меѳодія.., «Бѣ не вѣрьствуя...?».

ны: игуменъ Даніилъ, домогающійся въ Іерусалимѣ «поставити кандило за всю русскую землю», идеальный Мономахъ, завѣщающій, вопреки теоріи исключительности, дѣтямъ—любить ближняго, даже преступнаго, не вдавать сильнымъ погубить человѣка, паче же всего гордыни не имѣть, трудиться «отчее добро блюсти», чтобы «не хвалитися поганымъ», дружинникъ -авторъ «Слова о полку Игоревѣ», своимъ широкимъ народнымъ чувствомъ охватывающій интересы родной русской земли отъ береговъ Волги и далеко, далеко по—за Карпаты, авторъ перла нашей поэзіи, произведенія, которому найти византійскаго лилипута въ родителя мѣсто едва ли возможно — такъ объединено оно духомъ своимъ съ своими сверстниками въ литературѣ!..

Все это—одинъ духъ, духъ Иларіона, Нестора—духъ стараго Меѳодія...

* * *

Я далекъ отъ мысли пѣть гимнъ старинѣ — я региструю историко-литературные факты, даю имъ нѣкоторое освѣщеніе—для обрисовки въ главныхъ чертахъ картины ранней духовной жизни Русской Земли.

Но эти черты картины были бы еще слабы, если бы я не обратилъ Вашего, хотя бѣглаго, вниманія на произведеніе, въ которомъ видны задушевныя интенціи самой нашей русской церкви.

О ней справедливо можно сказать словами поэта:

«На ней отпечатлѣнъ тяжелый слѣдъ заботъ,
Людскаго пота и страданій»...

Ея интенціи были просты — исканіе христіанской организаціи общества, формація человѣческихъ отношеній въ жизни —старые свободительные паннонскіе идеалы.

Говоря это, мы имѣемъ въ виду т. наз. исповѣдныя формулы въ нашей старой письменности. Исповѣдныя формулы сопутствуютъ обычно первымъ шагамъ христіанской проповѣди. Онѣ не безъизвѣстны и въ практикѣ латинской церкви, даже съ необходимой уступкой народному языку: такъ одна изъ Фрейзингенскихъ статей такая формула, на хорутанскомъ языкѣ половины X-го вѣка.

Но общія мѣста о грѣхѣ и грѣхахъ—вотъ обыкновенное содержаніе формулъ Западной церкви.

Но тотъ же вопросъ о грѣхѣ развивается учителемъ на-

чальной Славянской церкви: сколько реальнаго, бытоваго содержанія у него! Какая высота мысли, сколько живой и чистой любви къ человѣку, какое горячее слово защиты судьбы страждущаго, недугующаго, обремененнаго!...

Мы имѣемъ въ виду «Предсловие покаянно»—наказъ или инструкцію исповѣди, произведеніе глубокой старины, какъ свидѣтельствуетъ языкъ, въ русской (южно-: тверезъ) только рукописи. И содержаніе «Предсловия» дышетъ простотой еще эпической жизни, чѣмъ подтверждается принадлежность его къ эпохѣ формирующагося христіанскаго общества, но на дѣлѣ, а не словесы—вѣка XI-го.

Приступающій къ покаянію долженъ быть строгъ къ себѣ. Но такимъ долженъ быть и «попинъ».

«Носьникъ бо (т. е. сидящій на носу), поясняется сравненіемъ, не слушая коръмника, потопита людью: такъ и каяйся, не слушая учителя, добрѣ кажюща, то погыблъ есть, а не добрѣ правяй коръмникъ не токмо имѣнье свое потопитъ, но и самъ потонетъ: тако и попинъ, не умѣя учити, и самъ погыблъ есть».

Обязанности кормчаго-попина, чтобы имѣть право «истязати человѣка кающася», т. е. спрашивать на духу, требуютъ отъ него быть прямымъ, не знать лицезрѣнія: «ты, ерею, слуго Христа, не убойся, не усумнися, не устыдися лиця человѣчьска, аще ти и цѣсарь есть, ли князь, ли судья, ли воинъ — ты бо еси богомъ поставленъ». Но, обладая нравственными достоинствами, попинъ долженъ еще умѣть «добрѣ казати»—«казати повѣсть сію тихымъ лицемь и кротъкымь сердцемь»; напротивъ, «несмысльну попови дрьжати и чьсти предъ людьми» не подобаетъ,—только «великъ смыслъ имущу».

Самая «повѣсть» заключается въ препорученіи ходить по заповѣдямъ Христа, въ требованіи чистоты жизни и именно чистоты н р а в с т в е н н ы х ъ дѣяній.

Остановимся на этихъ послѣднихъ: они опредѣляютъ душу церкви, ея н о р м и р у ю щ і я требованія.

Исповѣдующій обращаетъ вниманіе при «истязаніи» на два пункта: о матеріальномъ стяжаніи и о рабахъ—к р е с т ь я н а х ъ. Такимъ образомъ, онъ приступающему къ покаянію указываетъ:

1) «отверзися неправедьнаго имѣнья, а праведьнаго не хорони, ни щади убогимъ даяти», и

2) будь человѣкомъ при продажѣ человѣка: «кто продаеть

целядинъ, да елико на немъ давши, толико и взяти; аще ли лише, то обрѣтается наклады (проценты) емля и прасоля живыми душами»; кто же выкупается на свободу, «то толико же дасть на собѣ, колико же дано на немъ; потомъ же, будя свободенъ, ти добудеть дѣтей, ти начнуть имати изгойство на нихъ, — то обрящутся продающе кровь неповинну и възищется предъ богомъ... кровь та: луче бы имъ не родитися».

Вотъ—краснорѣчивѣйшее свидѣтельство нравственной высоты нашей церкви — истиннаго стража заповѣдей Христа... Но въ материнскомъ попеченіи о людяхъ, массѣ ихъ, обездоленныхъ, но все-же членахъ христіанскаго общества, смѣло возвышая свой голосъ противъ тягчайшаго грѣха, противъ, по ея рельефному выраженію, прасоленья, т. е. торговли живыми душами какъ убойнымъ скотомъ, съ ея различными формами, церковь взываетъ къ совѣсти—«луче бы имъ не родитися», говоритъ она; но далѣе нравственныхъ средствъ къ образумленію общества она не идетъ.—Кто не желаетъ принять гуманнаго исповѣданія церкви, тотъ пусть ищетъ подходящаго священника, съ кроткимъ сожалѣніемъ продолжаетъ нашъ памятникъ, попина, который формально выполнитъ исповѣдь: «поищи собѣ отця по своему хотѣнью и по сердцю и такого потаковника [1])»...

Ни слова прещенія.

За то не много подходитъ къ этому кроткому произведенію Славянской церкви такое же старое «Поученіе епископле» людямъ, но южнаго рожденія, рекомендующее для выправленія человѣка—«казнити (т. е. наказывать) по закону и въ послѣдняя влагати муки [2])»...

* * *

Мм. Гг.

Дойдя до этого пункта, можно бы было и закрыть страницы книги нашей русской тысячелѣтней культурной жизни,

[1]) Проф. Павловъ, Памятники др. р. кан. права, I, № 122. Замѣтимъ, что даже знаменитый кроткій митрополитъ Іоаннъ II воспрещалъ только одну форму людскаго прасоленія: «крестьянина человѣка, писалъ онъ извѣстному намъ мнiху Якову, ни жидовину, ни еретику продати». Тамъ же, 11 статья 22.—Противъ изгойства еще въ Толкованіи молитвы Господней,—до Монголовъ: «всего же есть горѣе изгойство взимати» (Филаретъ, Обзоръ дух. ли—ры, 3 изд., 47) и др.

[2]) Павловъ, op. c. № 123. Только позже это иноземное направленіе взяло

первый листъ которой занятъ христіанской миссіей безвѣстныхъ, къ сожалѣнію, изгнанниковъ Моравскихъ, учениковъ великаго славянскаго миссіонера — святителя Меѳодія, среди нашихъ предковъ.

Ибо, душа нашей родной старины, душа русской вѣтви Славянской церкви Меѳодія, въ ея стремленіяхъ и въ первыхъ памятникахъ русскаго слова, открыта для насъ. Эти безкровныя страницы даютъ намъ право свидѣтельствоваться, что мы, Русскіе—не лукавные ученики «великаго пастыря Словеномъ», вѣрные его вѣковымъ идеямъ некичливаго, гуманнаго національнаго подъема, національной свободы, взрощеннымъ въ насъ его кроткою церковью, съ ея разумнымъ глаголомъ.

Какъ церковь Меѳодія, вышедшая изъ обстоятельствъ, поставившихъ ее на стражѣ духовныхъ интересовъ народа, была церковью національнаго типа, укрѣпляющею силы народа, ведущею его къ самосознанію, а не денаціонализирующей, такъ и Русская церковь — была орудіемъ разумнаго національнаго развитія.

Какъ церковь Меѳодія, такъ и она пеклась на первомъ мѣстѣ о множѣхъ и множѣ—объ условіяхъ жизни народа, массы, и результатъ этой высокой заботы ея—75-ти милліонная семья православныхъ Славянъ.

Но, въ той же книгѣ нашей жизни есть еще иныя страницы—осязательныя, но тяжелыя, доказательства нашей вѣрности завѣтамъ Меѳодія: мы кровью запечатлѣли наше глубокое исповѣданіе великой заповѣди христіанства и его великаго ис-

— на время—верхъ надъ кроткими воззрѣніями церкви. Несходство особенно рѣзко сказалось въ борьбѣ съ глаголемыми жидовствующими. Противъ кроткаго голоса митрополита Зосимы относительно пріемовъ борьбы съ раціоналистическою ересью Новгорода: «мы отъ Бога не поставлены на смерть осуждати но грѣшныя обращати къ покаянію» (тамъ же, 788, прим.), Іосифъ Санинъ препоручалъ смертную казнь, стеганіе ремнями, «очей изверченіе» (тамъ же, 826). Но примѣръ католическаго Запада имѣлъ и свою долю фанатизующаго участія. Новгородскій архіепископъ Геннадій писалъ съ укоромъ тому же Зосимѣ: «ано Фрязове по своей вѣрѣ какову крѣпость держатъ! Сказывалъ ми посолъ цесаревъ (т. е. австрійскій) про Шпанскаго короля, какъ онъ свою очистилъ землю, и азъ съ тѣхъ рѣчей и списокъ къ тебѣ послалъ... Токмо того для учинити соборъ—что ихъ (еретиковъ) казнити—жечи да вѣшати» (тамъ же, 784).

толкователя—нашего славянскаго архистратига—заповѣди любви къ человѣку.

Не tabula rasa — наша минувшая жизнь, а выполненіе, правда, медленное, высокихъ стремленій устроителя нашей церкви, невзрачный, но завидный путь упорнаго терпѣнья.

Вотъ Унія и Римъ въ Кремлѣ, когда, казалось, старое государство гибло... Но къ концу вѣка — объединеніе Русской Земли. XVIII-ый вѣкъ весь прошелъ въ заботѣ объ обремененныхъ—сначала о самой Польшѣ [1]), а потомъ о ея диссидентахъ. Наше столѣтіе открылось освобожденіемъ Сербіи, Греціи, Румыніи и, наконецъ, на нашихъ глазахъ совершилось введеніе забытаго птенца Славянскаго гнѣзда въ семью государствъ изумлявшейся Европы... Все это—дѣло нашихъ, русскихъ рукъ!...

Мы приняли идеи Меѳодія и, какъ честные ученики, не покидали его дѣла христіанскаго служенія своей землѣ, вели его впередъ, и мы, въ началѣ зерно горюшно, теперь древо, подъ сѣнью котораго пріютились птенцы великой семьи—свободные, православные, Славяне...

«Тако вѣрую и не постыжуся», заключалъ свое исповѣданіе вѣры знаменитый Иларіонъ. Слова эти можетъ повторить и каждый изъ насъ — тако вѣрую и не постыжуся Меѳодія — въ своемъ исповѣданіи настоящей минуты, минуты заключенія тысячелѣтняго періода развитія освободительныхъ идей «великаго пастыря», развитія, которое совершалось главнымъ образомъ на родной русской землѣ... Да, здѣсь — на этой землѣ— идеи эти воплютились, вошли, какъ регулирующее начало, въ духовную жизнь великаго историческаго народа...

---

[1]) Оставляя время Петра Великаго, укажу одинъ фактъ изъ половины XVIII в. Въ 1756 году извѣстный дипломатъ импер. Елисаветы, русскій еще посолъ, Михаилъ Бестужевъ, братъ геніальнаго канцлера, писалъ Воронцову изъ Варшавы о своихъ бесѣдахъ съ Поляками: «... и то имъ представлялъ, что когда король Прусской въ намѣреніяхъ своихъ успѣхъ получитъ, то имъ первымъ достанется — суверенство въ Польшѣ введетъ и ихъ всѣхъ шклавами себѣ сдѣлаетъ. Отвѣтъ ихъ былъ: Россія де сама до того не допуститъ», («Архивъ кн. Воронцова», кн. II 307).

Итакъ, ни въ какую пору нашей минувшей жизни мы, Русскіе, не были суетными глашатаями имени святыхъ апостоловъ Славянства, съ праздными сердцами: дѣлы мы были нелѣностные дѣти церкви, созданной умомъ и энергіей Кирилла и Меѳодія, церкви, мощь которой лежала въ простомъ, по видимому, фактѣ славянскаго перевода Св. Писанія для народнаго богослуженія. Но этотъ переводъ — ранній посредникъ между нами и истиною Христа: онъ—наша благодать, святыня, онъ—гордость наша, соперниковъ не имущій. Ибо народный языкъ въ церкви—единое орудіе возращенія человѣка въ заповѣдяхъ Христа. И мы, какъ и другіе православные Славяне, выросли, какъ національность, на тысячелѣтнихъ листахъ славянскаго Евангелія, говорившаго къ сердцу человѣка и вразумительно, и тепло.

Безспорно, на поминки дня 6-го апрѣля имѣютъ основаніе отозваться и всѣ Славяне, и вообще всѣ истинные друзья человѣка... Но безъ искусственности, безъ подогрѣтаго чувства, правдиво и искренне, могутъ праздновать тысячелѣтнюю годовщину дѣятельности Меѳодія лишь тѣ Славяне, тѣ историческіе избранники, которые съ тѣмъ же чувствомъ умиленія и благодарности внимаютъ священному слову Меѳодія и теперь, какъ внимали ему десять вѣковъ назадъ ихъ предки изъ устъ самого Первосвятителя, какъ засвидѣтельствовалъ это и Несторъ: «и ради быша Словене, яко слышаша величія божія своимъ языкомъ». Ибо, одни свободные могутъ дать цѣну своему освободителю, а межь нихъ на первомъ мѣстѣ мы, Русскіе, старины изначальныя не рушавшіе, мы своею минувшею жизнью во истину добрая нива, на ней-же плодъ угобзися. Настоящій день Россіи довольно оправдываетъ меня.

Конечно, праздный вопросъ, что̀ было бы съ Славянскимъ, теперь 100 милліоннымъ, племенемъ (при чемъ $^2/_3$ всего числа—русскій пай), если бы въ началѣ его исторической жизни—не бѣ слово Меѳодіево?... Онъ праздный, ибо уходитъ въ область гаданій. Но каждому очевидна параллельность судебъ Славянъ и судебъ церкви великаго Святителя. Мы не очень ошибемся, если скажемъ, что современное мятеніе духовъ по линіи Вислы было

бы, по всему вѣроятію, продвинуто далѣе на востокъ. Ибо, каждому ясно, что

Славяне, лишь слегка затронутые церковью Меѳодія, Славяне «на пути», исчезли давно (почти безслѣдно); что

Славяне, хотя и своею каменистою почвою, «идеже не имѣ земля многы», но принявшіе сѣмена ученія Меѳодія, еще движутся; что

всегда вѣрные послѣдователи Меѳодія, не громкіе именемъ, но сильные духомъ — мощь, центръ Славянства, а, можетъ быть, и болѣе—будущее упованіе «языкомъ» — народовъ и племенъ. Да, о себѣ мы, Русскіе, можемъ сказать словами Иларіона, словами XI-го столѣтія: «на мышцу мою страны уповаютъ»—тамъ, за рубежемъ...[1])

А въ наши дни, дни обновленныхъ исканій религіознаго раздора, упоющихъ идеаловъ рассоваго эгоизма, преклоненія предъ мощью длани, нашъ христіанскій юбилей, благодарственныя поминки объ учителѣ нашего нравственнаго усовершенствованія, виновникѣ нашей культурно-исторической жизни, которая съ сегодняшнимъ днемъ вступила во второе тысячелѣтіе, тѣмъ рѣзче выдается въ общей картинѣ современной жизни и не можетъ не наполнить души отраднымъ чувствомъ внутренняго удовлетворенія—въ сознаніи несходства... Но намъ, понимающимъ въ своемъ тысячелѣтнемъ быломъ и хищниковъ откровенныхъ, и ихъ же въ овечьей кожѣ, достойно одно — исповѣдывать наслѣдственныя требованія родной старины—любовь и миръ.

Съ сознаніемъ права отпуская историческій день 6-го апрѣля, день тысячелѣтней годовщины мирной, но великой, побѣды духа на землѣ, мы, подкрѣпленные обновленною вѣрою въ себя

[1]) Русскій читатель съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ въ свое время отвѣтъ, данный либеральною партіей среди Хорватовъ—сторонниками А. Старчевича, польско-чешскимъ устроителямъ Велеградской демонстраціи: «мы презираемъ демонстрацію, особенно политическую, которая прикрывается плащемъ религіи, а болѣе всего ту, которая направлена противъ народа, который имѣетъ и будетъ имѣть рѣшающее слово въ вопросѣ о будущности человѣчества, противъ народа, который многимъ помогалъ и никакого зла не сдѣлалъ землѣ, которой мы дѣти» (газета «Sloboda» 1885, № 44). Съ тѣми же чувствами отнеслись къ Велеградской демонстраціи и среди Чеховъ т. наз. молодые Чехи—таже либеральная партія.

и въ свои грядущія судьбы, тѣмъ громче будемъ глашать вѣковой завѣтъ давно отошедшихъ праотцевъ нашихъ:

«Не терпитъ Богъ людской гордыни,
Не съ тѣми онъ, кто говоритъ:
Мы—соль земли, мы—столбъ святыни...

Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Ему возноситъ ѳиміамъ,
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный міръ—въ Меѳодьевъ храмъ [1])!».

---

[1]) Хомяковъ. Въ подлинникѣ—«въ Господень храмъ».

Въ Одесскихъ магазинахъ Бѣлаго и Распопова того-же автора:

— Братья-Подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка (Одесса, 1873, XVI+346). Одобрено Учен. Комитетомъ . . . . 1 р. 50 к.

— Изъ-за границы: 1-го авг. 1873—іюня 1876, отчеты (Одесса, 1876—77, 77+93+6) . . . 2 р. — к.

— Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Вокализація плавныхъ сочетаній. Томы I, II 1 вып. (Одесса, 1877—78, 222, 90). Одобрено Учен. Комитетомъ . . . . . . 3 р. — к.

— Мы и Они. Очерки исторіи и политики Славянъ. Изд. В. И. Бѣлаго. (Одесса 1878, 246) . . . 1 р. 50 к.

— Итоги Славянской и Русской филологіи. По поводу книги Котляревскаго «Библіологическій опытъ...» (Одесса 1882, 239) . . . . . . 2 р. 20 к.

— Правда жизни и правда творчества. Рѣчь въ юбилей Пушкина. (Одесса, 1880, 27) . . . . — р. 25 к.

— Карта разселенія Славянъ въ IX-мъ стол., въ эпоху св. Кирилла и Меѳодія. Въ тонахъ, съ таблицею Славянскаго населенія теперь по вѣроисповѣданію и народностямъ. Ко дню тысячелѣтняго юбилея св. Меѳодія изд. С. И. Мальцовымъ (Одесса) — р. 25 к.

Цѣна 40 коп.

